

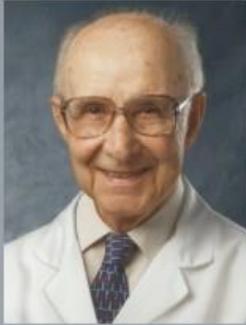
ПОБЕЖДАЯ КОСОЛАПОСТЬ

Реальная история Алины Куприяновой

KINETIC PRO
МАМЫ ЗНАЮТ

МЕДВЕЖОНОК

ПОНСЕТИ
русская ассоциация

Игнасио Понсети

**Американский ортопед,
Автор метода лечения косолапости «Понсети»**

По статистике более 100 000 детей во всем мире каждый год рождаются с врожденной косолапостью. Большинство не получают лечения или получают его не в полном объеме. Случаи запущенной косолапости накладывают социальное, психологическое и финансовое бремя на пациентов, их семьи и общество. С помощью нашего метода косолапость может быть откорректирована в течении 2-х месяцев.

Вавилов М.А.

**Ортопед, доктор медицинских наук,
Президент Русской Ассоциации «Понсети»**

Доктор Вавилов - ученик Игнасио Понсети и первый в России врач, который начал лечить косолапость по методу «Понсети». Зная мастера лично, ему удалось перенять все тонкости и секреты лечения. Сегодня Максим Александрович является Президентом Ассоциации понсетистов, миссия которых дать возможность маленьким пациентам стать полноценными членами нашего общества, победив косолапость.

ПОБЕЖДАЯ КОСОЛАПОСТЬ
Реальная история Алины Куприяновой

При поддержке компании по производству брейсов «Медвежонок» и
Русской Ассоциации «Понсети»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1. Судьбоносные знаки.....	7
Глава 2. Детство.....	16
Глава 3. Школьные годы.....	21
Глава 4. И смех, и слёзы, и любовь.....	26
Глава 5. Пророчество старушки.....	33
Глава 6. Новая жизнь.....	38
Глава 7. Почему именно со мной?.....	43
Глава 8. Одинокие женщины.....	49
Глава 9. Хождения по мукам.....	53
Глава 10. Чочиев и Вавилов.....	62
Глава 11. Свет в конце тоннеля.....	71
Глава 12. Странные ботинки.....	78
Глава 13. Вкус счастья.....	85

Путь в тысячу миль начинается с одного шага.

© Конфуций

ПРОЛОГ

От издателя

В рамках проекта «Мамы вместе» одна мама прислала нам на почту свою историю многолетней давности. История оказалась такой большой и трогательной, что нам пришла мысль опубликовать ее в формате книги. Мы связались с Алиной Куприяновой, автором письма, и взяли у нее интервью, чтобы глубже понять и прочувствовать, насколько такая проблема, как косолапость ребенка, повлияла на все стороны ее жизни. Эта история — про всех нас, реальная, настоящая, правдивая. Она вдохновляет, дает силы для борьбы с недугом и помогает справиться со всеми ударами судьбы. К тому же это хороший срез для сравнения того, насколько продвинулась медицина в лечении косолапости сейчас и какое в этом облегчение для родителей тех детей, которые родились с такой патологией.

От автора

Несколько месяцев назад в одной из социальных сетей я наткнулась на проект «Мамы вместе». Моему искреннему удивлению не было предела: проблема косолапости и ее лечение стали иметь большое общественное значение и, я бы даже сказала, человеческое лицо. Об этом говорят, это показывают и это успешно лечат! А уж когда я попала на сайт компании «Медвежонок» и увидела там множество историй мамочек и малышей, ком подкатил к горлу, и захотелось рассказать свою историю. Невольно нахлынули воспоминания из моего собственного, такого далекого уже пути. Пути тернистого и сложного. Пути, в котором очень важно найти правильных специалистов и обрести надежду на излечение.

Моя «косолапая история» случилась 13 лет назад. Тогда, в далеком 2008 году, от такого недуга, как косолапость, отмахивались, не горя особым желанием правильно лечить такие проблемы, да и не обладая умением. Не говоря уже о брейсах!!! Когда я увидела современные модели брейсов, то чуть не сошла с ума от восторга! Если бы у нас сразу были такие брейсы, лечение проходило бы в разы комфортнее.

Почитала о нашем лучшем во всём мире докторе Максиме Александровиче Вавилоче! Какой же он молодец, что, несмотря на все сложности внедрения новаторства в медицине, смог продвинуть и развить метод Понсети в России и в странах СНГ. До конца жизни буду благодарна судьбе за то, что свела меня с этим уникальным человеком.

** Имена главной героини и ее дочери изменены.*

ГЛАВА 1

Судьбоносные знаки

«Какая красота, черт возьми! — думала я, глядя на пушистые облака, когда наш самолёт набрал ту высоту, на которой еще может так красиво и живописно выглядеть небо. — Такие белые, будто взбитые чьей-то заботливой рукой маленькие подушечки на таком голубом, будто блюде, небе. Интересно, а если лечь на них сверху всем телом, удастся полежать? Должно быть, это могло оказаться очень приятным и волшебным. Или же, по законам какой-то там физики, я непременно рухну вниз? Да там, к тому же, и холодно... Ну что за мысли?! — задаю вопрос сама себе. — Что за ерунда лезет тебе в голову?!» По-моему, всё весьма очевидно! Я пытаюсь абстрагироваться, отвлечься от всего того, что сейчас здесь меня окружает! Сажу тут, зажата с двух сторон какой-то блаженно улыбающейся старушкой и толстым чуваком. Да он же просто придавил меня собой на моем же месте! Господи, ну почему мне достается такое соседство?! Подобным людям вообще надо летать отдельно, чтобы не портить жизнь таким прекрасным созданиям, как я. Интересно, а что он делал в Индии? Ой, да вообще не интересно! Лучше подумать о том, как буду пролезать через него, чтобы сходить в туалет! Чувствую, это будет целый марш-бросок. А может, мне повезёт, и я не захочу вставать ни разочка? Ой, тут же ещё божий одуванчик слева — ещё и её выпускать... Терпеть не могу, когда кто-то трется об меня своими коленями. Ну почему же мне не досталось место у окна? Сидела бы и спокойненько летела, ни о чём не парясь. Так, ну где же уже эта стюардесса? Мне нужно срочно что-нибудь расслабляющее, умиротворяющее, сухое или полусладкое, чтобы стойчески вынести это полетное испытание.

А в целом всё же классно! Даже не думала, что этот отпуск пройдет так гладко. А ведь в самом начале жизнь под одной

крышей с друзьями отца не сулила мне ничего хорошего. Но Индия оказалась прекрасной! Ну, насколько я могу судить, конечно. Может быть, так только в Гоа и так полюбившейся мне деревушке Арамболь. В её атмосфере даже старческое брюзжание и консерватизм воспринимались как-то забавно и легко.

Какое всё-таки многообещающее название: А-рам-боль. С самого начала было понятно, что это некое сладко-свободное место на земле. Да что говорить, это же колыбель вдохновения и свободы моих обожаемых битлов! Единственных, кстати, музыкантов из папиного мохнатого прошлого, чью музыку я просто обожала в детстве. Конечно же, из-за красавчика Пола и моих инфантильных грёз о возможном с ним замужестве. Как же смешно и мило! Могла ли я тогда знать, что буду ходить по тем же местам, что и он, купаться в этом же море, дышать этим же воздухом свободы и вдохновения и пить «хани лемон джинджер ти»!

«Хани лемон джинджер ти», мне будет тебя очень не хватать серыми московскими вечерами. Твоего вкуса, аромата, обжигającego и такого манящего послевкусия. И вида. Вида спокойного морюшка, утопающего в закате. И песка. Такого тёплого и зыбкого под моими ногами, будто миллионы золотых песчинок, облепляющих мои стопы. И этого тёплого воздуха, играющего в моих волосах и приносящего ощущения счастья и свободы. И этих людей, таких добрейших, отзывчивых и... бронзово-худых индусов.

Как удивительно устроен мир: мы — вечно угрюмые, печальные, куда-то бегущие москвичи, и они — улыбающиеся, спокойные, никуда не спешащие, будто понявшие смысл жизни и знающие намного больше нашего, топчем эту землю совершенно по-разному.

Да, определенно, этот отпуск был одним из лучших в моей жизни. Ну, будем считать, что это венец моей прежней детской жизни и предзнаменование моего наилучшего взрослого будущего. О, новый дивный мир, ты так прекрасен! Мне 22, и позади пять лет профессионального становления на факультете архитектуры довольно престижного московского вуза. Даже интересно посмотреть, как будущие работодатели вступят в ожесточенную борьбу за право обладать таким ценным молодым специалистом! Пожалуй, отдамся самому креативному и перспективному архитектурному бюро. Ну, это потом, а пока... пока, где же эта стюардесса?!

— Прошу прощения, будьте добры, мне пару бокалов вина, — обратилась я к фотомодели воздушного судна, чьи чёрные как смоль волосы были собраны в гладкий и тугий пучок. В это время лицо божьего одуванчика слева вытянулось, и её неловко-презрительное дыхание я ощутила кончиками волос.

— Да, конечно. Какого именно? Белого, красного, сухого, сладкого?

— Красного сухого, пожалуйста, — не задумываясь, выпалила я. Хотя обычно предпочитаю холодное полусладкое, но кто ж мне его тут охладит? Да и вообще, это моветон, поскольку красное вино холодным не подают.

— Двойную порцию красного сухого вина, — как будто специально отчеканила стюардесса, словно наслаждалась молниями предосудительных взглядов, которые метала милая бабуля слева.

— Да, всё верно, — твёрдо ответила я.

— Одну минуту, сейчас принесу.

Пока мой эликсир расслабления готовился в таинственных кулуарах «Эмирейтс», толстяк справа мило поинтересовался:

— Надеюсь, я не сильно вас стеснил? Терпеть не могу, когда кто-то нарушает мое личное пространство, а тут сам попал

впросак и «затёк» на соседнее кресло. Обычно я беру два места, чтобы никому не мешать, но в этот раз с билетами случился какой-то ажиотаж, и выбора не было. Хотите конфетку?

От такой проникновенной и эмпатичной речи я сразу смягчилась и даже устыдилась своих скверных мыслей в начале полёта.

— Нет, что вы, всё в порядке. Не волнуйтесь! Я даже внимания не обратила, — на голубом глазу соврала я и мило улыбнулась. — А конфетку давайте, она как раз будет кстати к моему сухому напитку.

На самом деле нет ничего хуже, чем рассасывание леденца вприкуску с вином, но когда-то давно отец вложил мне в голову «закон изящного принятия», согласно которому всегда нужно принимать что бы то ни было от людей, если они искренне хотят с тобой чем-то поделиться. Принимать эту светлую энергию и ни в коем разе не отказываться. Лучше потом отдать кому-то другому, но здесь и сейчас принять это добро с благодарностью, не умаляя дар дарителя. Если принимаешь подарок с радостью и благодарностью, всё начинает складываться для тебя наилучшим образом.

О, а вот и моё вино! Стюардесса бережно протянула мне плотный на вид матовый стакан с бурым содержимым и подала пару салфеток. Конечно, пить из прозрачных, блестящих от чистоты и натёртости фужеров значительно приятнее, но в данной ситуации для меня важнее содержимое, нежели упаковка. «Интересно, а в бизнес-классе предусмотрены настоящие бокалы? Ведь наверняка да! Так, визуализирую! В следующий раз лечу бизнесом! Как раз к тому моменту моя карьера пойдет в гору, и я смогу позволить себе красное холодное вино в стеклянном бокале», — на этой мысли мои губы изящно приняли форму дудочки, находясь в некоем предвкушении долгожданного соития с терпким вкусом вина, и вдруг слева зазвучал немного скрежещущий и одновременно приторно-сладкий голос.

— Милая, я бы на вашем месте воздержалась от этого... — сказала старушка и многозначительно улыбнулась.

— От чего именно? — как можно сдержаннее спросила я.

— От него, — игриво ответила бабуля, подмигнув и сделав кивок в сторону моего бокала.

— А что с ним не так? Считаете, что пить на борту — дурной тон? Понимаю, моя бабушка на вашем месте сделала бы то же самое, если бы ей довелось летать. Но, к счастью для многих, не довелось. И она избавила всех от ненужных советов, — выпалила я будто заготовленную речь, не терпящую возражений.

Но бабуля не унималась:

— Нет, что вы! Я с большим уважением отношусь к культуре питания, да и, что греха таить, люблю пригубить стопочку-другую. Но не в вашем случае! По крайней мере, сейчас, — каким-то заигрывающим тоном эти слова доносились до моих ушей.

Не желая продолжать диалог, я прикрыла глаза и уже хотела допить содержимое бокала, как вдруг она продолжила, перейдя на утробный шёпот:

— Милая, мне кажется, вы беременны, а на ранних сроках такими напитками лучше не увлекаться. Поверьте мне, счастливой бабушке семерых внуков. Я вижу это по особенному блеску в ваших глазах.

— Что за бред вы говорите?! Какая беременность? Какие сроки?! При чём тут внуки?! Со мной всё в порядке, я не беременна и даже не собираюсь! — на этой фразе я нервно заерзала в кресле, будто ища поддержки от толстого парня справа, единственного близкого в данный момент человека. Но, увы, он, как и подобает большинству пассажиров, мирно посматривал фильм через бесшумную гарнитуру и находился где-то далеко, в своих киношных грезах.

Необходимо было прекратить этот странный диалог, и в знак этого я торжественно осушила свой «недобокал» до самого дна, поставив тем самым точку в этом бессмысленном разговоре.

— Вжи-и-и-и-и-и, — раздалось откуда-то чуть выше моей головы. Над соседним креслом впереди показалась белобрысая голова мальчугана лет четырех. В своих миниатюрных ручонках он держал модельку самолета, выписывая ею различные па в воздухе.

— Вжи-и-и-и-и, бац, бух, тыдыщ, шу-у-ух! Мама, смотри, он разбился! — весело заголосил сорванец, рухнув на колени к своей маме, сидевшей в соседнем кресле.

— Ваня, прекрати, так не шутят. Сиди спокойно! — в голосе матери слышалась неловкость за такие игры своего чада.

«Ещё этого мне не хватало! Давай, накаркай мне тут! Тоже мне маленький прорицатель! Нет, не то, чтобы я боюсь летать, но шутить такими вещами во время полёта кощунственно! Надо же, в этот раз я не заметила, когда стюардесса проводила предполетный инструктаж... Что у нас там? И где? Сверху должна вывалиться маска, а жилет? Где жилет? Под креслом? Да, по-моему, так. Как же хорошо, что я не в хвосте. Хвосты так страшно отваливаются при ударе о землю, очень зрелищно, я бы сказала. Господи, о чём я думаю?! Всё будет в порядке, это просто Ванюша пошутил неудачно, мне нужно просто поспать...»

Сон имеет несколько стадий, по которым мы, собственно, и блуждаем на протяжении всего процесса. И вот где-то в переходе между фазами сна я почувствовала, как моя голова накренилась вправо и прилегла на что-то мягкое и вкусно пахнущее. Я открыла глаза и обнаружила, что лежу на плече у соседа-толстяка. Будто 220 вольт шарахнули меня в этот момент, и я, моментально выпрямившись, пробурчала:

— Ой, извините.

— Да ничего, всё в порядке! Хоть какой-то вам толк от большого меня по соседству. Компенсация за неудобства! — так по-доброму сказал парень.

«Да, он ведь изрядно молод, но почему же такой... такой большой?!»

— Я не люблю спать во время полетов, предпочитаю включить какую-нибудь сагу и благополучно «убить» всё полетное время на увлекательный просмотр. Ещё бы упаковочку сладкого попкорна, да не одну, и это был бы полет мечты! — весело продолжал сосед.

— Любите сладкое? — немного дерзко спросила я, как бы намекая, что это явно излишнее пристрастие в его случае.

— Обожаю, но... Не могу себе позволить! Я инсулиновый диабетик. Поэтому отношения со сладким, да и много с чем ещё, у меня весьма натянутые. Я, кстати, и не сплю в полетах из-за этого! Каждые несколько часов мне нужны уколы, и вот, чтобы не проспать жизнь, я предпочитаю бодрствовать!

«Вот это да-а-а-а, диабет. Вот почему ты такой огромный. Бедняга! Такой молодой и такой позитивный! Так спокойно говорит о своём недуге, без доли стеснения и неловкости. Я бы никогда не смогла! Такие люди достойны восхищения и подражания».

— Как вам Индия? — желая как-то сгладить своё несправедливое отношение к нему в начале полета, спросила я.

— Индия прекрасна. В какой-то мере. Лишь в той, что мне удалось рассмотреть. Я ездил в рабочую командировку, моя компания занимается производством обуви, а в Индии благодатная почва для создания таких производств, дешёвых и малозатратных.

— И как? Нашли?

— Да, есть пара вариантов. После обсуждения с коллегами в Москве примем решение, и снова придется вернуться к священным коровам.

— О-о-о, в этом вы правы! Я никогда не видела такое количество коров в городской черте! Даже в моем деревенском детстве их было в разы меньше.

Закончив диалог вежливости, я задумалась о том, как же часто мои первичные ощущения о людях оказываются ложными. Как же провально судить «по одежке», даже не

задумываясь, что каждый новый человек в твоей жизни, пусть случайно и недолго сопровождающий тебя, — это целый мир. Удивительный и полный открытий. На этих размышлениях я окончательно и беспробудно провалилась в крепкие объятия Морфея. Сколько и как долго проспала, я так и не поняла. Переизбыток впечатлений, мыслей и красное сухое сделали своё дело.

Открыв глаза, я увидела в иллюминатор, шторка которого была приоткрыта моей милой провидицей слева, Землю. Мерцающие огонёчки взлётных полос аэропорта весело подмигивали и будто приветствовали меня. «Наконец-то дома», — промелькнуло в моей голове. Я вдохнула полной грудью, максимально вытянув скрюченное от десятичасового сидения тело, и мысленно настроилась на скорейшую посадку.

Посадка, высадка, паспортный контроль — всё прошло очень быстро и без задержек. Такое чувство, что все обстоятельства благоволили моему скорому и беспрепятственному возвращению домой.

На последнем препятствии, во время ожидания багажа, чья-то легкая рука едва дотронулась до моего локтя. Резко обернувшись, я увидела своего божьего одуванчика — чудную бабулю с соседнего кресла самолета, в какой-то нелепой клетчатой шляпке с вуалью.

— Милочка, мы с вами не договорили. Я хотела сказать...

— Ох, это опять вы?! Что на этот раз? Меня похитят инопланетяне? Земля разверзнется, а реки высохнут? — порцией сарказма обдала её я.

— Милая, я только хотела сказать, чтобы вы не отчаивались. Впереди много печалей и тревог. Большая потеря выбьет почву из-под ног, но взамен судьба преподнесет большой подарок. Не ропщите и не сокрушайтесь, примите всё с открытым сердцем и как благодать. Всё будет хорошо.

В ушах зазвенело, к лицу прилила кровь, и я почувствовала, как земля будто плывёт под ногами. Увидев на ленте свой чемодан, я схватила его, как самую большую ценность, и сорвалась к выходу. В сумке запиликал телефон. Это папа прислал СМС, что ждёт меня у выхода № 3. Папочка, наконец-то! Спаси меня от всего этого безумия!..

ГЛАВА 2

Детство

С детства я была фантазёркой. Думаю, это участь всех единственных детей в семье. Все игры и приключения я «соображала на одного» — исключительно на себя и всю свою армию игрушек. Благо этого добра у меня было хоть отбавляй. Для каждого времени суток у меня был готов свой игровой сценарий: утром мы играли в завтрак, днем — в библиотеку (я всегда была в роли строгого библиотекаря), вечером — увлекательные приключения в поисках клада, надёжно спрятанного где-то в глубинах квартиры.

Когда говоришь о том, что ты поздний и единственный ребёнок, всегда слышишь в ответ: «О, хорошо тебе — значит, ты залюбленная и избалованная». Всегда в таких случаях возражаю, что я залюбленная в строгости. Да-да, именно так. Конечно, статус позднего ребенка сулил мне безграничную родительскую любовь, но мой отец в силу своего спортивного характера ни на секундочку не позволял мне распуститься и превратиться в избалованную Мальвину.

Всё детство я кочевала между садиком и дачей бабушки и бабушки. На все летние месяцы мои родители отправляли меня на свежий воздух, навстречу бескрайним полям и просторам, в царство коров и бесчисленных стогов сена.

Там, кстати, со мной произошло первое захватывающее приключение: я удирала от разгневанного петуха. Вы когда-нибудь встречали буйного предводителя «семейства курообразных»? Зрелище не из приятных, особенно когда нападение происходит «без объявления войны» и бежать особо некуда. До сих пор не понимаю, что этому парню ударило в голову, но гонял он меня несколько минут и настроен был явно решительно. К счастью для меня, внутри загона возле забора стоял какой-то деревянный ящик для хранения лопат, грабель и

прочей утвари. Вот в нём я и пряталась, пока дедушка не пришел на помощь, обнаружив мое отсутствие во дворе. Так я поняла, что на первый взгляд безобидное может стать опасным и важно быть всегда начеку. Но, несмотря на поджидавшие меня опасности деревенской фауны, проводить время в дедовском доме я любила. За атмосферу покоя, чистоты и запаха... запаха парного молока.

А вот в детском саду молоко обязательно подавалось с пенкой, которую я, как и все дети, терпеть не могла. И всегда отказывалась это молоко пить, несмотря на угрозы попадания содержимого куда-то за шиворот. Тем не менее я была любимицей воспитательниц и в тихий час могла позволить себе не спать, а иногда и получала леденцы от своих обожательниц. После сна я обменивала эти конфеты на кусочки хлеба или половинки котлет после полдника у других ребят — для того, чтобы подкормить свою обожаемую Чарочку, шестимесячного дворового щенка, жившего за садиковым забором. Как и когда она там оказалась, никто не знал, но то, что в будущем её не ждёт ничего хорошего, было очевидно для всех. Помню, как своими маленькими пальчиками я просовывала кусочки котлет через крупную сетку-рабицу, а Чара аккуратно их брала. Я чувствовала её тёплое дыхание и шершавый маленький язычок.

Не знаю, какими правдами и неправдами, слезами и мольбами мне удалось уговорить маму взять щеночка к нам домой. Это было самое большое счастье в моей жизни — первая настоящая дружба, первая ответственность.

Мои родители познакомились задолго до моего рождения, когда были совсем молодыми и беспечными. Папа только что окончил строительный институт и делал первые шаги в профессии. Будучи строителем в третьем поколении, он решил связать свою жизнь с промышленным строительством. Впоследствии это помогло ему гармонично влиться в новый социум, когда в стране произошли капиталистические перемены. В его жизни присутствовали две страсти:

строительство и спорт. Папа был заядлым лыжником и к окончанию института имел первый юношеский разряд. Надо сказать, что даже с моим появлением лыжи по-прежнему оставались его основной спортивной страстью. Как человек строгой дисциплины и целеустремленности, он очень быстро стал двигаться по карьерной лестнице и к моменту знакомства с мамой считался завидным женихом.

Помнится, я как-то спросила папу, как он познакомился с мамой, и услышала в ответ: «Песня и горы познакомили нас». Тогда я, конечно, ничего не поняла, но фраза эта засела в голове на всю жизнь. Позже выяснилось, что познакомились они на Грушинском фестивале. Каким ветром моего будущего папу занесло на тот бард-фестиваль, я уже не помню, но, увидев в шумной толпе жгучую брюнетку с голубыми глазами, он пропал навсегда. Мама оканчивала четвертый курс пединститута и приехала на фестиваль за компанию со своим одногруппником. С фестиваля родители вернулись парой, а чуть позже выяснилось, что всё это время они жили на соседних улицах.

Счастливая семейная жизнь захлестнула родителей сразу после того, как мама окончила институт. От строительного треста, в котором работал отец, им досталось уютное семейное гнездышко, в которое через несколько лет принесли из роддома меня.

Я была поздним по тем меркам ребёнком, мама родила меня в возрасте далеко за тридцать лет. Причиной всему печальный опыт моих дорогих родителей. Через год после их свадьбы на свет должна была появиться долгожданная девочка, для которой уже было придумано имя и куплено всё детское приданое. Но случилась несчастье, мама потеряла ребёнка на шестом месяце беременности. Не представляю, как родителям удалось пережить такое, особенно маме. Эта потеря так её напугала, что на какое-то время она решила вообще забыть о детях. Папа с головой ушёл в работу, которая открыла для него новые горизонты и подарила глоток профессиональной свободы. Как раз в этот период в рамках рабочей командировки

он впервые оказался в Индии. Папа оставил этому берегу свой опыт и умения в гражданском строительстве, а Индия подарила ему взамен незабываемый вкус «хани лемон джинджер ти», который впоследствии стал для всей нашей семьи притчей во языцах, а также стал моим сладким прозвищем. Спустя годы я пойму, что именно папу так покорило и почему частичка его души навсегда осталась на берегу Аравийского моря.

Я родилась через десять лет после свадьбы моих родителей, родилась — и сразу же утонула в море бесконечной и всеобъемлющей любви к долгожданному первенцу. Воспоминания о лимонно-медовом детстве сладкой негой растекаются в моем сердце. «Мой медовый имбирёчек» — так называл меня папа в приступах особой нежности и любви. До семи лет я была просто идеальным ребенком, ангелом во плоти, и окружающим ничего не оставалось, как просто носить меня на руках. На руках, на плечах, на закукорках, быть лошадкой, велосипедом, да чем угодно — папа был главным и самым любимым моим аттракционом. С таким папой ни минутки в детстве мне не было скучно или грустно от отсутствия брата или сестры!

«Мой медовый имбирёчек, давай потанцуем?» — говорил папа, включая «And I Love Her» битлов. Он ставил мои маленькие стопы на свои, нежно прижимал меня к себе и плавно кружил, вторя словам своей любимой песни.

А когда он сердился, то обращался ко мне исключительно на «вы», строго и по имени отчеству: «Алина Владимировна, будьте любезны, наведите порядок в своей комнате и помойте, наконец, за собой посуду». Именно папа был крайне требовательным ко мне в вопросах четкости и высшей степени организации даже в быту. «Успеет еще, не порти ребёнку детство», — вступалась за меня мама, для которой я всегда была маленькой, даже уже в недетском возрасте.

Ну а поскольку желания расстраивать и сердить папу у меня не было, я, благодаря его нравоучениям, с младых ногтей

развивала в себе все те спартанские качества, которые в будущем мне очень сильно помогли. Тогда, в детстве, многие вещи меня огорчали, и иногда казалось, что папа слишком строг со мной и, вероятно недостаточно любит, но, став взрослой, я поняла, какой силы и мощности была его отцовская любовь.

По наследству мне передались две основные страсти отца: спорт и путешествия, с ним связанные. Лыжи. В детстве я их просто ненавидела! Вместо того чтобы кататься на ледянках с дворовыми друзьями, я каждое зимнее воскресенье стояла, шла, бежала на лыжах. За папой. Он мастерски выписывал круги и так изящно сходил с горы, что мне во что бы то ни стало хотелось научиться так же. Хотелось, но не получалось. «При спуске на лыжах либо думай быстрее, чем едешь, либо ездь медленнее, чем думаешь», — говорил папа после того, как я кубарем скатывалась вниз. Потом воскресные прогулки переросли в занятия в спортивной секции, и незаметно для себя я перестала злиться и стала находить в этом спорте истинное удовольствие и красоту. «Так уж устроен спорт — постоянное преодоление, совершенство исполнения и покорение новых вершин закаляют, делают сильнее тело и укрепляют дух», — рассуждал отец, собираясь в очередной раз на Эльбрус. Мне, еще совсем юной, это казалось чем-то очень романтичным и захватывающим. Я представляла, как папа на скорости спускается со снежного склона, как ловит лицом воздух и яркие солнечные лучи, вдыхая морозный запах свободы.

ГЛАВА 3

Школьные годы

Мое первое школьное воспоминание — школьный коридор, свежевыкрашенная коричневая дверь класса чуть приоткрыта, и стоящий возле моего первого учителя, что-то оживленно обсуждающий папа.

Я была довольно скромной и спокойной ученицей. Внутри меня происходило гораздо больше бурь и страстей, чем могли заметить мои одноклассники. Во мне всегда боролись прилежность, желание сделать всё хорошо и спешка, излишняя эмоциональность, которая приводила к не всегда желаемым оценкам.

За партой я сидела исключительно с мальчиками, а дружила исключительно с девочками и исключительно «на троих». Поэтому ситуации, когда третий становился лишним, случались со мной с завидной регулярностью. Я глубоко переживала, носила горечь обиды и несправедливости в себе, но никогда не рассказывала об этом маме, предпочитая решать свои проблемы самостоятельно. Ну как решать... Скорее просто тихо переживать и ждать торжества справедливости, когда снова стану «нужной» второй.

Тогда мне казалось, что я абсолютно обычная, ничем не примечательная девчонка, и искренне недоумевала, за что Димка Горохов отнял у меня в школьной столовой ватрушку, которую я купила для мамы. Отнял, убежал и, наверное, съел. Помню, как я горько плакала от осознания того, что не смогу сделать маме приятный, как мне казалось, сюрприз. Потом, конечно же, был разбор полётов, вызов Димкиных родителей в школу, наверное, его раскаяние и обещания так больше не делать, и я, полная грусти и непонимания: зачем же он так со мной? Мне стало значительно легче, когда в один прекрасный день Димка неловко достал из портфеля что-то завернутое в пакетик и протянул мне, опустив глаза. Там была ватрушка!

Испеченная его мамой, бережно упакованная и преподнесенная мне в знак раскаяния за случившееся. Видимо, именно за эту минуту слабости Димка все оставшиеся годы совместной учебы дразнил меня, обзывал и придумывал в мой адрес всякие обидные прозвища, из которых «Алина-пианина» было самым приличным.

К счастью, годы младшей школы пролетели быстро, и я не успела оглянуться, как наконец-то стала взрослой. Двенадцать лет — это вам не шутки! В этом возрасте ты полностью уверен в своей правоте и в абсолютной неправоте учителей и родителей, лучше знаешь, что хорошо, а что плохо. Именно в этом моем возрасте папа достал с антресоли ежовые рукавицы и крепко держал меня в них до десятого класса. Когда я возвращалась из школы, первым и обязательным правилом было позвонить ему на работу и отчитаться о полученных за день оценках. И не дай бог было случиться тройке — звенящая на другом конце провода тишина звучала хуже, чем какие-то нотации.

— Почему не пять? — серьёзным тоном спрашивал папа в ответ на мои сообщения о четверках. — Значит, не доучила, не подготовилась как следует. Исправить! — безапелляционно говорил он.

Несмотря на то, что я была достаточно прилежной ученицей, мои отношения с царицей наук и всеми её производными предметами не задалась с самого начала. Лично я связываю это с ужасной училкой, которая просто издевалась надо мной и подавляла морально. Меня трясло от ужаса быть вызванной к доске или же просто стать объектом её взгляда. Именно с тех пор я стала впадать в ступор и перестала вообще что-либо соображать, когда учительница переходила на крик. В таком состоянии я едва дотягивала до тройки. Не помогали даже бесконечные вызовы моего папы в школу и разглагольствования о том, что мной нужно серьезно заниматься. Что мы, собственно, и делали: каждый вечер, невзирая на отцовскую занятость и мою усталость, мы решали эти дурацкие задачи и уравнения до тех пор, пока я не

добивалась правильного ответа. Из папы бы вышел отличный учитель математики: ни разу в жизни он не облегчил себе задачу, подсказав мне. До всего я должна была дойти сама. Дойти и понять. В этом чувствовались его спортивная закалка и упорство. Кстати, мои проблемы с математикой закончились сразу, как только поменяли учителя.

Я была очень дисциплинированным подростком. На протяжении всего учебного года мне не позволялось расслабляться: никаких погулять, сходить в гости или внеурочно посмотреть телевизор. Хочешь отдохнуть — почитай книгу.

Видимо, такой режим позволил мне добиваться успехов в спорте. Тренируясь, я как будто переключалась и отдыхала от школы, незаметно для себя добиваясь высоких результатов. Три раза в неделю, вне зависимости от погоды и настроения, я бежала на тренировку в спортивную школу. Зимой — лыжи, вне зимнего сезона — бег и силовые тренировки.

— Мой медовый имбирёчек, режим есть режим, — ласково говорил папа, когда я начинала хандрить и пыталась найти причины, чтобы не пойти на тренировку. — Только две причины могут быть уважительными для прогула: смерть и повестка в суд. В остальных случаях ты просто обязана.

Несколько раз в год обязательно случались соревнования, и не выиграть их было всё равно что проиграть. В такие моменты я была очень благодарна отцу за то, что не позволял расслабиться и сдать, ведь нет ничего прекраснее вкуса спортивной победы.

К моему десятому классу родительские вожжи ослабли, и в моей жизни кроме школы и тренировок появились гуляния и дискотеки, которые, к слову, абсолютно не мешали школьным успехам. На красный диплом я, конечно же, не претендовала, но была одной из сильных учениц в классе.

Бороздить просторы «взрослой жизни» я отправилась со своей школьной подружкой, впоследствии получившей статус

лучшей, с Ольгой Лазаревой. Ох, сколько тайн и секретов было доверено нами друг другу, сколько домашек списано-переписано, сколько часов проведено на телефонном проводе — просто не счесть. Девочки в этом возрасте переживают особый вид детской привязанности и любви к ближнему. Такой способностью сопереживать и поддерживать безответно влюбленную подругу может обладать далеко не каждый взрослый. Безответно влюблённой была, конечно же, я.

Стрела Амура не нашла ничего лучше, как пронзить моё детское сердце чувством к молодому преподавателю, который проходил практику в нашей школе. Предмет, который он преподавал, был лишён всякого романтизма, но прежде никогда в жизни я не была настолько заинтересована скучнейшей биологией и погружена в нее. По всем внешним признакам этот молодой преподаватель с бездонными голубыми глазами и спадающей на них чёлкой очень походил на рыцаря печального образа. Мои попытки привлечь его внимание оставались тщетными, и мне ничего не оставалось, как предаваться юношеским грёзам в надежде, что, возможно, когда-нибудь мой объект обожания обратит на меня внимание.

К счастью, детская психика устроена так, что неудачи и разочарования быстро забываются, поэтому к началу одиннадцатого класса я уже забыла о своей безответной симпатии и крепко погрузилась в раздумья о выборе профессии.

В детстве я хотела стать ветеринаром, стюардессой, фотомodelью, актрисой и машинисткой. Ни одна из перечисленных профессий не совпадала с ожиданиями родителей о моем будущем, поэтому весь одиннадцатый класс мы занимались тем, что пытались найти мне профессию по душе и с перспективами. Идти по стопам родителей я категорически отказывалась, так как считала это скучным, не романтичным и устаревшим делом.

Но отцовский авторитет лейтмотивом звучал в моей прозе жизни, поэтому выбирала я из тех направлений профессиональной деятельности, которые могли откликнуться

и ему. Таким образом, точку соприкосновения и консенсуса мы нашли довольно скоро. Меня жутко увлекали журналы, в которых со вкусом были подобраны различные интерьеры, будь то гостиная, спальня или кухня — неважно. Какие-то невиданные мне волшебники делали это просто мастерски. «Вот бы так суметь», — думала я.

Формулировка «Папа, я хочу стать дизайнером» не вызвала в папе особых эмоций и приступов радости, но, как тонко чувствующий человек, он добавил: «Архитектура. На архитектурном факультете есть отделение дизайна».

Так, собственно, и определилась моя дальнейшая судьба. Дело осталось за малым: подготовиться к вступительным экзаменам. Последний учебный год пролетел молниеносно, полностью погрузив меня в бесконечные занятия с репетиторами. И чем больше я готовилась, тем сильнее понимала, как же хочу поступить в Московский архитектурный институт и стать известным дизайнером интерьеров, чьи работы мелькают на страницах Elite Interior, например.

ГЛАВА 4

И смех, и слёзы, и любовь

Учиться в МАРХИ было моей мечтой. Процесс подготовки к поступлению можно описывать отдельно. Как говорится, и смех, и слёзы, и любовь. Я всегда была очень ответственной и усердной, и от одной мысли, что я не доберу заветные баллы, впадала в предобморочное состояние, забывая напрочь всё, в чём, в принципе, отлично разбиралась. Вступительные экзамены прошли как будто в тумане, и первое яркое воспоминание — я выскиваю свою фамилию в списках зачисленных студентов. «Лукачешев, Калюжная, Киселёва...» — спускалась я глазами по списку с бесконечными фамилиями на «К».

— Куприя-я-я-я-янова-а-а!!!» — во всё горло закричала я и начала скакать на месте в приступе радости, бросаясь на шею всем, кто был от меня в радиусе метра, и обнимая их. До сих пор помню тот безграничный восторг и неопишное блаженство от происходящего! Какое же это счастье — достигать поставленной цели! Господи, как же много впереди интересного! До сих пор от этих воспоминаний бабочки летают внутри.

На первом и втором курсах я училась у лучших преподавателей института, среди них были совсем ещё молодые аспиранты, которые только-только вернулись с зарубежных стажировок и с упоением рассказывали о том, каково там, на том краю земли.

«Ах, как же хочется...» — думала я и в глубине души мечтала повторить их путь. Но для этого нужно было учиться и корпеть над учебниками, не щадя живота своего. Это я прекрасно понимала и была готова к трудностям. Осознание того, что впереди безграничный новый мир и что профессиональный успех зависит только от меня и моих стараний, подстегивало ещё больше.

А я старалась! Как только попала в учебный класс, первым делом заняла место в первом ряду. Мне хотелось быть как можно ближе к источнику моих будущих знаний, на виду у преподавателей, на передовой! Я стремилась впитывать всё, как губка. Спортивный дух и воля к победе сыграли мне на руку. Всегда и во всём я оказывалась первой. Чтобы быть в гуще событий, с лёгкостью возложила на себя обязанности старосты группы. Моя активность выходила далеко за рамки учебной аудитории, проникая и в общественную деятельность. Как я умудрялась успевать всё, до сих пор не понимаю.

Прописная истина студенчества гласит: первый год ты работаешь на зачетную книжку, а все последующие годы зачетная книжка работает на тебя. По всем предметам, что было возможно, я получала экзамены автоматом. Усердие и трудолюбие — вот два столпа, на которых строится успех любого студента. Папа чрезвычайно гордился мной и при любом удобном случае заключал: «Вся в меня!»

А какая у нас была дружная группа! Мой второй дом, мои дорогие ребята. Мы не только дружно учились и имели высокие результаты среди однокашников, но и отлично проводили время вне университетских стен. Пожалуй, единственный раз, когда я пожалела о том, что живу в Москве: так хотелось съехать от родителей, распробовать вкус самостоятельной жизни и ощутить романтику общежития. Но этот небольшой минус не сильно омрачал мои годы студенчества. У нас было свое тайное место, куда мы сбегали после пар и обсуждали всевозможные темы. Именно на таких посиделках я позволила себе всё реалистичнее мечтать о путешествиях. Среди одногруппников были ребята, которые проводили каникулы за границей. Их рассказы восхищали и дразнили, хотелось тоже, во что бы то ни стало, очутиться на берегу моря или океана. И, глядя на глобус в порыве мечтаний, больше всего мне хотелось попасть в Индию. Наверное, это папины разговоры из серии «хани лемон джиджер ти» в далеком детстве засели в подсознании и

породили эти мечты о далекой сказочной стране со вкусом имбиря. Почему имбиря?

Незаметно для себя мы стали любимцами преподавательского состава, что, надо сказать, было взаимно — трудно было найти группу, где было столько желающих связаться в любую авантюру по дополнительным проектам.

В процессе учебы мне немного не хватало ощущения реальности проектов, которые мы делали, и я устроилась в архитектурное бюро — меня привлекала «настоящая» работа. Работа!!! Учиться и работать — это прекрасно! Не слушайте тех, кто говорит, что это «тяжело», «неправильно», «неэффективно». Невозможным и нереальным это кажется только в теории. Но стоит начать... Родители, кстати, не были в особом восторге от моего «совместительства», но очень скоро поняли, что волноваться, в принципе, не о чем, я прекрасно справлялась. И, как мне кажется, это во многом позволило мне быть успешнее в учебной теории, поскольку я видела предмет шире и глубже, с точки зрения уже практического применения. Но не надо думать, что мне доверили что-то серьезное. Наоборот, я была чем-то вроде бесплатной рабочей силы, годной для всяческих мелких поручений. В мои обязанности входило всё — от «кофе-чая» до переноса чертежей проекта с бумаги на компьютер. Мне нужна была любая возможность проявить себя и набраться практического опыта с нуля.

Именно там, в месте своего практического становления, я и встретила его. Владислав Ядревский, как и я, подрабатывал в архитектурном бюро и учился на два курса старше меня. Уже не помню, доводилось ли мне встречать его на факультете, но, когда я столкнулась с ним в холле бюро, меня будто током ударило.

Высокий стройный брюнет, красивый собой, пленил меня взглядом и легкой грациозностью движений. Мы с ним ещё ни разу не разговаривали, но я уже не раз слышала его низкий, глубокий, бархатный голос. Слышала и приходила в какой-то неопиcуемый трепет и восторг. Каждый день ловя на себе его

интересующийся взгляд, я всё ждала, когда же он заговорит со мной.

— Может, пообедаем? — непринужденно и как-то по-свойски спросил меня Влад в один из дней.

— Почему бы и нет? С удовольствием, — сдерживая восторг, ответила я.

С того обеда всё и началось, и закрутилось так быстро... Мы не могли наговориться ни тогда, ни потом. Между нами было столько общего, что трудно было представить себе такие совпадения. Влад, как и я, был отличным студентом и даже играл в студенческой команде КВН. Он понимал меня с полуслова и умел предугадывать мои желания, о которых я порой и не успевала подумать. Конечно же, я познакомила его с родителями, и он завоевал их симпатию с первого взгляда. Через полгода нашего знакомства Влад сделал мне предложение. Бабочки парили не только у меня в животе, они были повсюду! Такой окрыленной и счастливой я ещё никогда себя не чувствовала. Поначалу я не увидела ничего невозможного в реализации его предложения безотлагательно, но мои родители не поддержали такой скоропалительности и настойчиво порекомендовали мне дождаться окончания института. В своих аргументах они были очень убедительны, и поскольку наша с Владом любовь не подвергалась никаким сомнениям, мы решили повременить со свадьбой.

— Кстати, всё забываю тебе рассказать. Машка Иванова родила. Так вот, всё прошло не очень гладко, малыш родился не совсем здоровым, — так начала нашу встречу Ленка, когда мы встретились, чтобы вместе перекусить.

Маша Иванова была нашей одноклассницей, я давненько не видела её, но о грядущем пополнении узнала одной из первых.

— Вернее, совсем не здоровым. Точно не знаю, что там, но предстоит долгое лечение, ребенка признали инвалидом. Машка взяла академ, и теперь вообще неизвестно, вернётся ли

она когда-нибудь в универ, — заключила Ленка, выцеживая трубочкой остатки апельсинового фреша.

Новость о Маше ввергла меня в оцепенение. Как же так? Такая молодая и здоровая, почему?! Как она будет жить дальше? Ребенок-инвалид — это большая ответственность и, к сожалению, обуза. Никогда не понимала, за что таким малюткам даётся такое испытание? Только родились — и уже обречены. Я бы точно не справилась! Очень страшно и тяжело даже подумать о таком, а не то, что пережить. Нет, я бы точно не смогла.

Четвёртый курс подходил к концу, и жаркая пора экзаменов накрыла меня с головой, освободив от тяжких мыслей. После сессии мы с Владом планировали поехать на Селигер с компанией ребят — его однокурсников. К тому моменту они уже окончили институт, но традиция собираться вместе сохранилась.

— Слушай, Алин, я тут подумал... Может, возьмём Ленку твою за компанию?

Предложение Влада меня не удивило, а напротив, порадовало: хоть одна единомышленница будет в компании малознакомых парней. Да и Ленке эта поездка могла сулить удачное знакомство, поскольку она до сих пор находилась в поиске рыцаря своего сердца.

— Отличная идея! Сегодня сделаю ей предложение, от которого она не сможет отказаться, — заключила я, радостно повиснув на шее Влада.

Не знаю, почему я решила пригласить Ленку, не позвонив ей по телефону, а лично. Наверное, хотела видеть, как она будет радоваться нежданному путешествию. Но мой визит к ней в тот вечер стал судьбоносным для нас всех.

Никогда в жизни не заявлялась к кому-либо без предупреждения, но в этот раз то ли черт, то ли внутренний голос дёрнул меня нагрянуть к Ленке без звонка. В подъезд

удалось прошмыгнуть без предварительного оповещения, благодаря выходящим соседям. Мне почему-то никто не открыл, но я продолжала названивать в дверь, чтобы вызволить хозяйку из душа, наверное. Уже развернувшись и собравшись уходить, я услышала скрежет замка. Дверь распахнулась, и со словами «А вот и пицца, наверное!» на пороге стоял мой дорогой Влад с обнаженным торсом и расстегнутым ремнем на джинсах.

Мой мир рухнул. Конечно же, никакого Селигера тем летом не случилось. Уже не помню, что несли эти двое, пытаюсь что-то объяснить в своё оправдание, ни в тот роковой момент, ни днями позже. В один день я потеряла любимого, лучшую подругу и веру в людей.

К началу пятого курса я потеряла килограммов пять, они ушли вместе со слезами и той невыносимой душевной болью, которая надолго поселилась во мне.

—Ну-у-у, мой медовый имбирёчек, пойдём погуляем, покатаемся на чертовом колесе, поедим мороженого, как раньше, помнишь? — пытался всеми силами отвлечь меня папа, ежедневно предлагая и придумывая для меня какие-то развлечения из детства. А я... Я просто не хотела просыпаться в этот мир.

Пятый курс — такой ответственный финиш, к которому я пришла абсолютно деморализованной и не готовой к победам. Первый семестр находилась в абсолютном анабиозе, и пока все выбирали тему диплома, я продолжала оплакивать себя и свою сломанную жизнь. На работе тоже всё шло из рук вон плохо, я не могла сосредоточиться и делала грубые ошибки в тех проектных чертежах, которые пыталась оцифровать. Ума не приложу, почему меня не уволили тогда. Видимо, положительная репутация помогла удержаться. Но мне было абсолютно всё равно, что будет дальше. В глубине души я даже хотела этих повсеместных разрушений и постепенного самоуничтожения.

Говорят, время лечит. Возможно, и мои раны стали постепенно затягиваться, и мне как-то удалось вытянуть себя, как барон Мюнхгаузен за косичку, и приступить к диплому. Поскольку я поздно спохватилась, то сидела за ним денно и ночью, не поднимая головы до самой защиты. Умственный труд — лучшее лекарство от слёз, жалости к себе и дурных мыслей. Усердный умственный труд — залог блестящей защиты. Не простила бы себе, если б завалила то, к чему шла все эти годы. Ни один человек, ни одна жизненная ситуация не стоит того, чтобы ставить под удар результаты многолетних стараний и трудов. И когда защита состоялась, и уже всё было позади, стало даже как-то немного пусто. То, что занимало мою голову в последние несколько месяцев, вдруг превратилось в достигнутую цель, и как будто бы стало совсем нечего делать. Но вдруг мой чудесный папа преподнес мне самый лучший и долгожданный подарок — поездку в Индию! Счастью моему не было предела: не только потому, что Индия — страна мечты, но и потому, что это было так неожиданно! Неожиданно приятно настолько, что даже перспектива жить там у друзей отца меня не испугала. Может быть, они такие же вечно молодые и нескучные, как мой отец?

ГЛАВА 5

Пророчество старушки

Стремглав вылетев из здания аэропорта, я очень быстро нашла глазами припаркованный папин тёмно-синий Chevrolet. Он, как всегда, был сияюще-чистым и отполированным. Это один из папиных пунктиков — блестящий кузов машины и чистейший салон, в который можно смело садиться в белых носках без ботинок. Мы с мамой часто шутили: мол, не брать ли нам сменные тапочки, прежде чем сесть в папину ласточку, дабы не испачкать салон — такой же стерильный, как и операционная. А вообще мне нравился этот папин фетиш чистоты, и я, как могла, развивала его в себе.

— Мой медовый имбирёчек, привет! Как я рад, — папа выскочил из машины, как только увидел меня, несущуюся к нему с чемоданом наперевес. Первым делом он заключил меня в свои крепкие объятия, и я, уткнувшись ему куда-то в область плеча, позволила себе обмякнуть и наконец-то расслабиться. Он сжал меня, как в детстве, как-то мягко и крепко одновременно, и я почувствовала запах его объятий. Это ещё один из папиных пунктиков — аромат. Я с детства знала эти чувственно-пряные нотки и безошибочно определяла по ним папино присутствие дома.

— Давай помогу, оп-па-а-а-а, — папа подхватил мой чемодан и ловко закинул его в багажник. — Как перелёт? Выглядишь уставшей, — проницательно заключил он, и мы уселись в машину.

— Да как-то подутомил, да и соседство, прямо скажем, не очень приятное мне досталось, — на полуслове оборвала я фразу, ещё не решив, стоит ли продолжать рассказывать о самолетном сюре.

— Ну, расскажи, расскажи, как впечатления? — не выдержав паузы, прервал ее папа.

— Пап, всё классно! Столько эмоций и впечатлений! Но мне бы переварить всё, прежде чем делиться. Хочу посмаковать каждый моментик, снова прочувствовать и рассказать вам с мамой.

— Вот и прекрасно! У тебя есть время до завтрашнего дня. Думаю, этого достаточно для переваривания. Отдохнешь с дороги, поспишь, а завтра все вместе едем на дачу. Шашлычок-машлычок под коньячок, свежий воздух — всё, как мы любим. Я уже всё подготовил! — мелодично произнес папа, и на душе моей стало тепло от детских воспоминаний, связанных с нашей жизнью на даче.

Мы стремительно мчались по дороге в сторону дома. Небо было пронзительно-ясное, а всё вокруг утопало в зелени. Всё-таки лето — моё любимое время года! Приятно вернуться из лета в лето, пусть и в совершенно другое, но такое родное и гостеприимное.

Удивительно устроена человеческая натура: когда находишься далеко от дома, складывается ощущение, что там, за горизонтом, пока тебя нет, происходят какие-то важные и глобальные события, и по возвращении тебя ждёт что-то другое, новое. И так, кажется, первые минут тридцать после возвращения, а потом оп — и будто бы не уезжала: те же деревья, те же дома, те же ощущения от воспоминаний... Воспоминания... Меня как-то передернуло от мыслей, которые выстроились в моей голове, будто ожидая, что я начну об этом думать. «Он, она, они, боль, слёзы, снова боль, диплом... Нет, не хочу».

Эти размышления ненадолго отвлекли меня от реальности. А вернее, от того чувства тревоги, с которым я выскочила из аэропорта.

«Впереди много печалей и тревог. Большая потеря выбьет почву из-под ног, но взамен судьба преподнесет большой подарок. Не ропщите и не сокрушайтесь, примите всё с открытым сердцем и как благодать. Всё будет хорошо».

Боже, все слова старушки запечатлелись у меня на подкорке, будто молитва. Что за чертовщина?! Нужно немедленно выбросить это из головы, стереть из памяти, вырваться из этой ментальной ловушки!

Мне нужно непременно с кем-то поделиться, обсудить, обнулить эту поселившуюся внутреннюю тревогу.

— Па-а-ап, — как в детстве, протяжно сказала я, — а как ты думаешь, стоит ли верить в слова постороннего человека, сказанные в твой адрес якобы с добрыми намерениями?

— Ну, смотря в какие слова! — весело ответил папа и посмотрел на меня вопросительно, ожидая продолжения.

— Да какая-то странная женщина из самолёта наговорила мне столько всякого. Дурацкого. Мне не понравилось, — поморщившись, продолжала я.

— Ой, не обращай внимания. Люди на высоте выше облаков ещё и не на такое способны! Только дай им волю причинить другому добро. Сами разберёмся! Три к носу и забудь! — папа определённо не разделял мою тревогу, и на миг мне показалось, что всё случившееся — действительно бред, не стоящий даже обсуждений. «Да я просто устала, вот и нагнетаю, взвинчиваю саму себя. Всё хорошо, всё классно. Впереди столько всего! Только руку протяни...»

Пока я плавала в океане своих мыслей и безмолвных рассуждений, мы незаметно приехали. Непреодолимое желание смыть с себя события сегодняшнего дня заставило меня как можно скорее оказаться дома.

Когда мне было лет пятнадцать, я просто обожала ездить с родителями на дачу именно летом. В этом мероприятии меня всегда привлекала возможность высунуться из окна машины до уровня туловища, раскинуть руки и ловить лицом и волосами бескрайний ветер перемен. Мама жутко злилась на этот ритуал, вполне справедливо находя его небезопасным. Но я пользовалась тем, что на заднем сиденье всегда сидела одна, и

удержать меня было невозможно. Я чувствовала себя то птицей, то героиней романтических сериалов, которую несёт в неведомую сказочную даль роскошный автомобиль. Непередаваемые ощущения! Вот и сегодня мне снова, как в детстве, захотелось испытать всю красоту этого момента по дороге на дачу.

— Пап, сделай музыку погромче! — крикнула я, приготовившись высунуться в открытое окно. На этот раз я чувствовала себя не птицей и не героиней, я чувствовала себя собой. Новой собой, у которой впереди только светлая и волнующая пора.

Как только мои ноги ступили на дачную землю, я тут же разулась, чтобы пробежаться по свежескошенной траве на нашем участке. Видимо, папа готовился заранее к нашему приезду, причём подготовился изрядно: трава аккуратно подстрижена, кустам придана ровная геометрическая форма, гамак бережно закреплён между стволами двух яблонь.

«Какие же они у меня замечательные!» — думала я, качаясь на качелях и глядя, как родители воркуют, хлопоча в беседке, пока накрывают на стол. Прожить столько лет вместе и не утратить эту лёгкость бытия в отношениях... Я ведь не помнила ни одной их крупной ссоры или какого-нибудь скандала во время выяснения отношений. Подобного попросту не было! Или же родители делали всё настолько деликатно и незаметно для моих детских ушей, что я выросла в ощущении их полной взаимной любви. Как же, должно быть, им было больно собирать со мной моё разбитое сердце...

Разделавшись с шашлыком, мы все вместе уселись на качели и предались ностальгическим воспоминаниям. По радио заиграла «And I Love Her», и папа интригующе прошептал:

— Потанцуем, мой медовый имбирёчек?

Он поставил мои уже немаленькие стопы на свои, нежно меня прижал к груди, и мы закружились, вторя словам песни.

— Пап, я же тяжелая, осторожно! — смеялась я, пытаюсь как-то снизить нагрузку своего тела на его ноги. — Ты же не мальчик, аккуратнее!

Но папа не поддавался и продолжал кружить меня, как в детстве. Неважно, сколько нам лет, для родителей мы навсегда остаемся маленькими девочками, которых нужно кружить, оберегать и защищать. Тот день навсегда останется в моей памяти — день возвращения в беззаботное детство, день, разделивший мою жизнь на «до» и «после».

Смеркалось. Я уже готовилась ко сну, наслаждаясь послевкусием прошедшего дня. Лёжа на подушке, разглядывала в окне кусочек бескрайнего чистого неба. Веки стали медленно слипаться, как вдруг что-то резкое выдернуло меня из первой фазы сна.

«Нужно поцеловать папу на ночь», — почему-то промелькнуло у меня в голове и заставило подняться. Я вышла на крыльцо, поймав тёплый, с крапинками прохлады вечерний воздух и осмотрелась вокруг. Во дворе было очень тихо и спокойно, ни следа от нашего сегодняшнего семейного праздника, и лишь мама, грохоча посудой на кухне, создавала эхо прошедшего события. В беседке я заметила силуэт отца и бросилась со всех ног к нему, чтобы пожелать спокойной ночи, как в детстве. Заскочив внутрь, я было приготовилась забраться к нему на колени, как вдруг заметила, что его голова чуть опущена на грудь.

«Уснул», — промелькнуло у меня в голове, и, положив руку ему на плечо, я попыталась его разбудить. Его тело вдруг обмякло и резко сползло под лавку.

— Па-а-а-а-ап?! — истошно завопила я и рухнула в обморок.

ГЛАВА 6

Новая жизнь

Все последующие сорок дней прошли как в тумане. Организация похорон, сама процессия, поминки, дни после. Жизнь после. Осознание. Нет, осознание не пришло, да и некогда было мне осознавать: на моих руках оказалась маленькая и такая беззащитная мама. Эта трагедия изменила её до неузнаваемости, она постарела в одну ночь лет на десять. Поэтому на мои плечи в эти дни легло её спасение из океана слёз и печали. Такого горького и такого болезненного, что саднит до сих пор. На фоне этой бесконечной нервозности и стресса я чувствовала себя просто ужасно. Привычно низкое давление упало ещё ниже, и муторное состояние стало моим повседневным спутником. Я перестала есть, похудела килограммов на пять и, если бы не осунувшееся от слёз лицо, вполне могла бы претендовать на идеальные параметры. Видимо, в таком состоянии организм отказывался работать, и мне постоянно хотелось спать — уснуть и как можно дольше не просыпаться. А ещё я мечтала увидеть во сне папу, чтобы поговорить, обнять и сказать, как сильно его люблю.

Прошло уже два месяца, а моё состояние всё никак не улучшалось, более того, начались какие-то странные сбои в организме, и мое женское здоровье тоже дало сбой. Нужно было снова стать бароном Мюнхгаузенем и достать себя за косичку из этой нездоровой пропасти. Для начала сходить к гинекологу и сдать, если потребуется, необходимые анализы.

— Первый день последних месячных? — строго спросил доктор.

Я стала хаотично перебирать в памяти нужные даты и никак не могла сообразить.

— 25 июля... вроде, — неуверенно ответила я.
Судя по взмаху бровей доктора, мой ответ его не впечатлил.

— Давайте-ка сделаем УЗИ, Алина Владимировна, посмотрим, что у нас там... — немного настороженно сказал он мне.

Я нехотя слезла с кресла и перешла на кушетку. «Ну что там смотреть?! Выпишите какие-нибудь витамины — и я пойду. Очевидно же, что это сбой на нервной почве», — вела я внутренний монолог сама с собой. Аргументы закончились, как только по моему животу начались манипуляции ультразвуковым датчиком. Доктор внимательно смотрел на экран и многозначительно молчал.

— Беременность в полости матки. Восемь-десять недель. Поздравляю! — как-то весело заключил он, сверля меня довольным взглядом.

Первый раз в жизни я почувствовала, как проваливаюсь, лежа на кушетке, в какую-то бездонную пропасть. Так, наверное, выглядят зыбучие пески. Выходила из кабинета врача я уже на ватных ногах и в полной прострации от случившегося.

«Как? Когда? Кто?» — вот три вопроса, которые возникали в моей голове ассоциативным рядом. Долго вспоминать не пришлось: та зажигательная вечеринка на побережье была одним из ярких и финальных событий моего отпуска, как и атлетически сложенный красавчик-студент, с которым я на практике отработывала свои знания разговорного английского... и не только знания, судя по всему. Жгучее солнце, пьянящий воздух свободы и пара стопок текилы сделали своё дело и отключили во мне в тот вечер привычный образ благочестивой пуританки. Боже мой, ну и поворот. Бедный папа, ты бы с ума сошёл, узнав про такие каникулярные последствия. Видимо, моя нервная система была достаточно натренирована критическими моментами последних месяцев, оттого и среагировала достаточно спокойно. Конечно, ни о каком ребёнке сейчас не может быть и речи, мне нужно устраивать свою жизнь, строить карьеру, зарабатывать... Да, в конце концов, помогать маме! Она после всего произошедшего

вообще отстранилась от жизни, а выйдя на пенсию, практически не выходила из дома. Сбережения, которые остались от папы, практически на исходе. Ну куда нам сейчас ещё проблемы?!

Выйдя из клиники, я решила пройтись и незаметно для себя оказалась возле кафешки, в которой мы часто засиживались с Ленкой. При мысли о ней меня немного передернуло. Отмахнувшись от наплывающих воспоминаний, я всё же решила зайти и выпить кофе.

Солнечный свет ярко заливал всё пространство кафе, поэтому рассмотреть сидящих в зале было невозможно. Я заметила свободный столик у окна и направилась к нему. Мысли роем кружились в голове, плотной дымкой обволакивая моё сознание. Горячий американо обжигаяще прикоснулся к моему горлу, и я почему-то подумала, что, наверное, ребёнку (или что там сейчас во мне) его вкус не понравился бы.

— Алина, здравствуй, — прозвучало где-то слева от меня. Я повернула голову и увидела Ленку. Она стояла возле моего столика и как-то неловко мялась.

— Здравствуйте, — выпалила я на автомате, даже не успев оценить ситуацию и подобрать более подходящие слова. — То есть здравствуй, Лена, — немного придя в себя, поправила себя я, подумав при этом: — «Вот это наглость, конечно... И хватило же совести вот так взять и как ни в чём не бывало подойти ко мне!»

— Можно я присяду? — осторожно спросила Ленка. Я многозначительно промолчала, и она уселась в кресло напротив.

— Алина, я давно хотела с тобой поговорить, объясниться... — дыхание Ленки было таким сбивчивым, что выдавало ее нервозность и волнительность момента.

Я продолжала молча смотреть на неё, стараясь не выдавать своего возмущения происходящим.

— Алина, я знаю, что моему, то есть нашему с Владом поступку нет прощения и оправдания. Я знаю, что я разрушила нашу дружбу, а он разбил тебе сердце. Я понимаю, что ты никогда не простишь и не поймёшь меня — ты имеешь полное на это право, конечно же! Но мне очень важно сказать тебе сейчас, я хочу, чтобы ты знала: то, что случилось, не было ошибкой, понимаешь, это была судьба! Судьба моя и Влада. Да, всё ужасно получилось по отношению к тебе, но благодаря тебе мы и нашли друг друга, и получили возможность быть счастливыми. Понимаешь? У нас ведь не какая-то там интрижка произошла, у нас всё серьёзно, понимаешь? Мы вот... — неуверенно показав мне безымянный палец с полоской золота, Ленка резко замолчала.

Наступило время моего выхода, и я очень сдержанно, юридически заключила:

— Поздравляю.

Нет, ну а что мне нужно было ещё сказать? Прочитать мораль? Обрушить гору проклятий? Да я только сейчас поняла, что во мне ничего не осталось к той истории: ни боли, ни зла. Всё прошло.

— Лена, дело прошлое, что тут обсуждать? — продолжила я. — С твоего позволения я пойду. Прости, спешу.

Идя к выходу, я думала о символичности места: где всё началось, там и закончилось. Наша с Ленкой история закончилась.

На удивление, мама приняла мою новость весьма достойно и, я бы сказала, миролюбиво. Более того, осудила за крамольные мысли об аборте.

— Бог дал ребёнка, даст и на ребёнка, — весьма архаично заключила она. Ох уж эта склонность к метафизике!

Меня сильно удивило и даже обрадовало (насколько это вообще было возможно в моем том состоянии) такое мамино смиренное и ровное восприятие всего случившегося. Ведь, выражаясь простым языком, я «нагуляла», «в подоле принесла» и тому подобное и как бы заслуживаю поучений и осуждения. Ничего подобного, даже близко. Неужели я достигла положения

равной и взрослой, имеющей право на ошибку? Эта ситуация во многом облегчила мне душу, но мой здравый смысл всё же склонял меня в сторону аборта.

— Алина Владимировна, ну какой аборт?! С вашим отрицательным резус-фактором категорически не рекомендуется прерывать первую беременность! Я просто обязан вас об этом предупредить, поскольку очень велик риск впоследствии остаться без детей, — доктор в очередной раз ошарашил меня. — Так что выбросьте все эти худые мысли из головы и настраивайтесь на счастливое материнство! — мягко, но уверенно продолжил он.

Похоже, пора начинать привыкать к мысли, что теперь нас двое.

Вопреки повсеместным историям про «жуткий токсикоз», тягу на солёненькое и прочие популярные спутники беременности, у меня всё складывалось иначе. Первое время я кастрюлями поглощала супы, к которым всю жизнь была крайне равнодушна, а теперь не могла остановиться. Это, пожалуй, единственная «страсть», приключившаяся со мной в беременность. Самочувствие было прекрасным, зверского аппетита тоже не было замечено, и только мысли и страхи одолевали меня. Особенно перед всякими скринингами и УЗИ. История одноклассницы, у которой родился нездоровый малыш, преследовала меня весь срок беременности. Больше всего я боялась, что «что-то пойдёт не так».

ГЛАВА 7

Почему именно со мной?

В сложившихся обстоятельствах о карьерном росте и каких-то успехах на профессиональном поприще пришлось забыть. Я продолжала подрабатывать всё в том же бюро, куда когда-то пришла студенткой. После окончания университета мне обещали официальную ставку, но я, решив сохранить статус свободной и ищущей молодой профессионалки, отказалась от этой ставки с полной уверенностью, что найду место получше. Ставку закрыли, а я продолжала быть фрилансером, теперь ещё и беременным. А это означало, что, как только я отправлюсь в декрет, автоматически остаюсь без работы и средств к существованию. Хорошенькое начало для счастливой полупустой ячейки общества...

Попытки устроиться официально я не оставляла, но как только живот стал заметен всякому невооруженному глазу, пришлось отступить.

О чём я думала в тот момент? На что надеялась? Не знаю. Вероятно, гормональный взрыв, настигающий женщину в период зарождения в ней новой жизни, блокирует сознание и воспоминания, не связанные с будущим ребёнком. Больше всего меня заботили факт нормального развития плода и исход будущих родов. Каждый поход на УЗИ был для меня настоящим стрессом, во время которого я судорожно держала пальцы крестом с единственным вопросом: «Там всё в порядке?» И лучшей наградой был ответ: «Да, всё идёт по плану, состояние удовлетворительное».

По всем подсчетам, родить я должна была в начале мая — по мне, не самый лучший месяц, потому что с детства помнила народное «в мае — маяться». А уж этого я желала ребёнку и себе меньше всего.

Тренировки я не бросила, сбавила темп, но, несмотря ни на что, продолжала заниматься и планировала делать это, пока

будет возможность. Мама, конечно, бесконечно роптала и ругала меня время от времени, но потом смирилась с этой физической для меня необходимостью.

Я отчетливо помню тот день в мае: канун праздника, я стою у окна и, глядя на внезапно начавшийся снегопад, глажу свой живот и думаю о всё никак не наступающей весне. Вдруг резкая боль где-то внизу живота. Я подумала, что это спазм, затаилась и стала прислушиваться к своим ощущениям. Через несколько секунд это повторилось.

«Что за чёрт?! — испуганно подумала я и мелкими шажками стала перебираться на кровать. — Сейчас полежу — и всё пройдет. Наверное, ложные схватки», — сама себя успокаивала я. Но схватывающая боль не отступала, более того, она становилась как будто еще интенсивнее.

Ладони вспотели, сердцебиение участилось, в висках застучало: «Пора». Мама в этот момент гремела чем-то на кухне, поэтому мои скулящие призывы услышала не сразу. Увидев меня в таком состоянии, она привычно занервничала, но, взяв себя в руки, проявляла нордическое спокойствие вплоть до приезда скорой. Все вещи были давным-давно приготовлены и ждали меня в коридоре, осталось дожждаться скорой. На удивление, бригада приехала довольно быстро, и я не заметила, как уже оказалась внутри машины. Я медленно погружалась в какой-то транс, в голове путались мысли: «А как всё пройдет? А это больно? Главное — слушать врача. Я боюсь...»

В регистратуре мне оказали не самый радушный приём и вполне буднично стали задавать вопросы, что-то фиксируя в безликие листы бумаги.

«Ну и гостеприимство...» — подумала я и была слегка раздосадована, что тут как-то и не рады мне с моими предстоящими родами.

Когда я оказалась в палате, меня осмотрели. Раскрытие на 10 сантиметров означало, что я скоро рожу. Мне сделали укол и облепили живот какими-то проводами. Стоявшая рядом

похожая на бормашину конструкция издавала пищащие звуки и фиксировала сердцебиение малыша. Мою голову не покидали истошные крики, которые я запомнила из многочисленных сериалов, где героини мучились в родах. Страшно было даже представить, что меня ожидает то же самое. Несколько часов я ходила по палате и наслаждалась нарастающими, уже настоящими схватками. Ощущения, конечно, непередаваемые. Вроде бы ничего не болит, но разрывающая опоясывающая боль из поясницы, стремящаяся вниз живота, впечатляет.

Заботливые акушерки принесли мне гимнастический мяч, который призван уменьшить болевые ощущения. Я присела на него, но мне сделалось только хуже, и я решила, что буду просто слоняться из угла в угол.

— Ну, когда же я рожу? Может, пора? — докучала я периодически заглядывающей ко мне акушерке.

— Когда будет пора, поймёшь. Пока готовься, — строго ответила она.

А я это действительно вскоре поняла, когда терпеть стало невозможно и я перешла на стон. Никогда бы не подумала, что могу так стонать. Лёжа на кушетке, я стонала, дышала и тужилась по команде акушерки. Внимательно взглянув мне между ног, она произнесла:

— Переходи на кресло, давай, головка показалась.

Я с осторожностью, но быстро перебралась на акушерское кресло. «Главное — слушаться акушерку, правильно дышать, резко не тужиться», — как мантру повторяла я про себя.

Ещё несколько минут, дыхание, снова дыхание, потуги, снова дыхание — всё. Стало как-то резко легко и хорошо.

— Мамаша, у вас девочка, поздравляю! — задорно сказала акушерка.

Пока я заканчивала родовой процесс, ребёнка осматривали на специальном столе и что-то фиксировали в протокол по шкале Апгар. Де-воч-ка... Моя де-воч-ка.

Меня просто поразили её маленькие ручки с длинными ногтями и очень волосатая головка.

— Почему она так кричит? — наивно спросила я у акушерки.

— А ты бы не кричала, попади в этот мир из уютной утробы?

— А она нормальная? — спросила я у неё.

— Нормальная, завтра на осмотре врачи вам всё объяснят, сейчас отдыхайте, — каким-то подозрительным тоном сказала она.

Всю первую совместно проведенную с дочерью ночь я практически не сомкнула глаз — всё рассматривала своего маленького человека и его маленькие части тела. Определить, на кого она похожа, в тот момент не представлялось возможным: маленький сморщенный комочек. Мне не давали покоя ее ножки. Они были какие-то не такие. Девочки-соседки говорили что-то про зажатия, которые возникают у новорожденных после родов.

На следующий день нас ждал осмотр педиатра. Вот именно тогда моя жизнь снова разделилась на «до» и «после».

— Про ножки знаете? — строго спросила тетка в очках.

— Нет, не знаю, что с ними?

— Искривление стоп у вашего ребёнка. Врождённое. Конская стопа.

«Конское что?!» — мой мозг разрывал какой-то звенящий звук, как тогда, в беседке, на даче.

— Не волнуйтесь, мамаша, всё будет хорошо. Главное — внутренние органы, все показатели в норме. Всё образуется. Дам вам направление к генетику, сходите, всё узнаете.

На ватных ногах я вошла в палату и, положив малышку, стала рассматривать ее маленькие и скрюченные ножки.

— Ужас-то какой, милая... — раздалось за моей спиной. Санитарка принесла памперсы и какие-то принадлежности. — Ведь намучаешься, ведь измаешься, молодая ж ещё! Откажись, подумай, не ломай себе жизнь!

— Что вы такое говорите?! Не лезьте вообще не в своё дело, — резко ответила я, и, как по сигналу, из глаз моих покатались слёзы.

«Никогда ничего уже не наладится. Господи, какой ужас. За что?! Зачем?! Зачем я вообще во всё это ввязалась! Как же было бы спокойно и хорошо тогда, когда ничего этого не было...»

Видимо, психика, решив защититься, унесла меня в мои пять лет, где я стою у детсадовского забора и глажу мокрый нос моей дорогой Чары. Он такой мокрый и холодный, а язычок, такой теплый и шершавый, лижет мою маленькую ручонку. Сегодня мы заберем ее домой и будем купать в ванне, в мыльной пене специального щенячьего шампуня. Она такая смешная и мокрая, а от воды сделалась ещё меньше и глаже. Мы смеёмся. Вот мама укутывает ее в махровое полотенце, как лялечку, и передает маленькой мне. Она совсем не тяжёлая! Я очень счастлива и чувствую любовь.

Нарастающий крик малышки вырвал меня из воспоминаний. Я снова здесь, в палате, один на один с трагедией, из которой пока не вижу выхода. Как так могло случиться, что то, чего я больше всего боялась, произошло?

А может, запеленать? Может, если ножки будут под тугой пелёнкой, они выпрямятся?

— Алин, покорми её, она же от голода кричит, — участливо сказала соседка по палате.

Осторожно надев носочки на наши несчастные ножки, я поднесла малышку к груди и начала кормить.

Как же теперь быть дальше? Что делать? Папочка, папа, что, скажи?! Как же я хочу домой, к тебе на коленки, чтобы прижал, обнял, всё за меня решил, и ничего бы этого не было!

Рой мыслей просто обрушился на мою голову. Картинки слайдами сменялись в сознании: одноклассница, родившая инвалида, инвалиды на улицах Индии... Боже, они везде, их так

много! Почему я сейчас думаю об этом?! Что же мне делать дальше?! Отказаться от ребёнка? Сломать свою жизнь? Смириться?!

ГЛАВА 8

Одинокие женщины

Выписка была назначена на пятницу при условии, что малышка наберет необходимые граммы веса. Она родилась весом 3030 граммов, но плохо брала грудь и ленилась сосать, поэтому на контрольном взвешивании весила всего 2800 граммов. Перспектива задержаться здесь на все выходные меня не радовала, поэтому пришлось воспользоваться рекомендациями медсестёр и подавать дочке глюкозу.

Со всеми этими событиями и диагнозами я совершенно не думала о том, как же назвать мое несчастное дитя. Пока ходила беременной, конечно же, примеряла и выбирала имена, избегая вездесущих Лен, Ир, Свет, Марин и Маш. Они казались мне скучными и порядком надоевшими. Имя Варя как-то сразу легло на слух и на восприятие. «Варя, Варвара...» — что-то в этом определённо было. Но когда девочка появилась на свет, глядя на неё, стало очевидно, что Варварой тут совершенно не пахнет: маленький вздернутый носик, глаза-бусины и аккуратный кукольный ротик. «Нет, определённо не Варвара...» Поскольку я была лишена возможности коллегиальных обсуждений при выборе имён, то решение приняла ночью второго дня моего пребывания в роддоме — практически первое, что пришло на ум, когда я глядела на дочь: «Полина. Куприянова Полина Владимировна. По-моему, звучит».

К моей большой радости, весовая отметка в 2890 граммов была достигнута, и в пятницу после обеда нас благополучно отправили домой, пожелав приходить ещё — в смысле еще за одним будущим ребёнком.

— С этим бы справиться, — с сарказмом ответила я и, распахав цветы в руки медсестер, вышла на свободу.

Дома всё уже было готово к нашему возвращению: кровать с балдахин, пеленальный стол, куча одежды и,

конечно же, коляска. Первые дни после рождения малышка в основном спала днем, просыпаясь ночами на молочные трапезы. Ела по-прежнему мало, и приходящая медсестра сказала, что девочка очень худенькая и вес нам необходимо набирать как можно скорее. «Худенькая и покалеченная. Господи, ну за что?! Ведь она ещё ничего не сделала плохого, за что такие мучения моему ребёнку?! Как примет её это общество?! Как будет обижать и ущемлять?! А она сама? Она же девочка, а девочке важно быть самой-самой. И так безотцовщина, еще и калека... Бедный, бедный мой ребёнок...»

Чем больше времени проходило, тем сильнее становились мои страхи, когда я смотрела на стопы своего ребёнка. Ужас, охватывающий меня от картин, рисовавшихся в голове, поглощал всё моё сознание.

Я не могла ни пить, ни есть. Мама всё время ругалась и говорила, что у меня абсолютно синее и пустое молоко, что из-за этого Полинка не прибавляет в весе и что я издеваюсь над собой и дочерью. Молоко действительно было прозрачным, но в таком невероятном количестве, что я чувствовала себя молочной фермой. Приходилось постоянно сцеживать его, чтобы не допустить застоя и воспаления. Несколько раз пришлось вызывать скорую: грудь адски ломило, молочные застои в груди набухали и болели, температура скакала до 40 — такое чувство, что всё решило навалиться разом! Всё это!!!

В какой-то момент я ощутила такие сильные презрение и ненависть к происходящему, что впала в какое-то беспробудное уныние. Я неделями ходила в одном и том же и не чувствовала ничего, кроме движения молока во время кормления — тысячи колких импульсов где-то в области соска в момент, когда молоко попадает ребёнку в рот. До сих пор помню эти ощущения и не могу назвать их приятными.

Спасали меня только бесконечные прогулки с коляской. Я сознательно избегала детских площадок и тупо наматывала километры по городу в полном одиночестве, наедине со своими мыслями. Отчасти я делала это и с целью прийти в дородовую

форму, ибо смотреть на себя в зеркало не хотелось. Не могу сказать, что я жутко поправилась, скорее так: я жутко обвисла, сделалась какой-то дряблой и вязкой. К тренировкам вернуться пока не представлялось возможным, поэтому я решила хотя бы много гулять.

Правильно говорят, что для выработки привычки нужен 21 день. Примерно к этому времени я научилась смотреть на стопы Польки без содрогания, хотя мыслей, куда двигаться дальше и как это исправлять, пока не было.

Каждый день, пока Полинка спала, я сидела за монитором своего старенького компьютера и выискивала информацию о нашей проблеме в Сети. Ничего конкретного, какие-то обрывки информации на всяких новостных порталах, куски чьих-то историй и полное непонимание, куда бежать.

Когда эмоции поутихли, пришла пора взять себя в руки и начать. Начать эти хождения по врачам. Первым делом по рекомендации педиатра из роддома мы записались на прием к генетику. Лично я не ждала от этого ничего спасительного: какой мне толк знать, что послужило причиной нашей болезни? Лучше скажите, как это исправить!

Началась череда сдачи бесконечных анализов: бесплатных и, конечно же, платных. Что мы искали? Не знаю, но нужно было от чего-то оттолкнуться. Результаты анализов ничего не дали: все показатели были в норме, и причина сбоя со стороны генетики была исключена.

Результаты ничего не дали, но заметно истощили мои скромные финансовые запасы. Деньги, которые накопил папа, уже заканчивались, мамина зарплата учителя была скудной, а дела в компании, где я работала, стремительно ухудшались. Было очевидно, что большие финансовые вложения будут неминуемы, и это ещё больше расшатывало моё психоэмоциональное состояние.

Уходя в декрет, я планировала вернуться из него сразу после родов, оставив Польку на мамино попечение. Но

инвалидность внесла в этот план свои коррективы, и было понятно, что путь лечения потребует моего полного погружения и участия.

Когда ты морально неустойчив, слаб и одинок, всё происходящее вокруг, даже самое мелочное, выбивает и добивает тебя на раз. Как только я решила вернуться в свое архитектурное бюро, мне с порога озвучили, что, к сожалению, в моих услугах больше не нуждаются. Разразившийся финансовый кризис 2008-го больно ударил по всем работодателям, и им не оставалось ничего иного, как сокращать штат. Так что и в этом мне не повезло, как внештатный работник я вылетела самой первой. Где искать денег, куда бежать? Что могут слабые и одинокие женщины? Ничего лучше, что выбраться из такого положения можно, продав что-то, в наши головы не приходило. А поскольку продавать нам оказалось особо нечего, было принято решение сдавать нашу московскую квартиру, а самим переехать в жильё попроще и подальше — разумеется, на съемную квартиру, чтобы на разницу с выручки от аренды своей хоть как-то жить. Очень тяжелое, но, к сожалению, неизбежное решение.

Чтобы выкроить как можно больше денег, решили сдавать свою полногабаритную трёшку в спальном районе Москвы по комнатам, а для себя нашли скромную хрущевку на окраине одного из подмосковных городков.

Отчётливо помню, как я приняла четкое решение действовать, глядя в потолок своей новой чужой квартиры, лёжа на выдавшей виды софе. Первое, что необходимо было сделать, — это встать на учёт в детскую поликлинику по новому адресу. Как-никак, а ежемесячные походы к участковым педиатрам никто не отменял.

ГЛАВА 9

Хождения по мукам

В самый разгар лета начались мои хождения по мукам. Информации на тему врожденных проблем со стопами было крайне мало, и я не нашла ничего лучше, чем обратиться к педиатру по месту жительства. Никаких чудес от этого визита я не ждала, но познакомиться с врачом, который теперь будет нас наблюдать, всё же надо.

— Надо же, как интересно, — осматривая стопы Полинки, сказала врач. — Редко такое можно встретить, на моей памяти вы трети за всю мою практику.

— И что? И что? Это лечится? — с надеждой стала я ее расспрашивать.

— Трудно сказать, полностью вряд ли. Я, по крайней мере, хороших результатов от лечения не видела. Балериной точно не станет. Хотя... всё же индивидуально. Покажитесь хирургу, он-то уж наверняка скажет, — заключила докторша, выписывая направление.

Эта местечковая бестактность немного меня ошарашила. Мало того, что доктор меня не обнадежила, так ещё и вердикт вынесла: «Не станет». М-да, видимо, к этой невинной человеческой бестактности мне придётся привыкнуть.

Видимо, судьба решила немного сжалиться надо мной, потому что послала мне абсолютно спокойного и адекватного ребёнка. Как бы чудно это ни звучало, но она спала ночами и практически никогда не плакала. Дочь будто берегла мою и без того травмированную нервную систему, и чаще угугукала сама с собой, чем плакала, даже когда не спала. А вот что такое колики, мы, конечно, узнали, но не в такой пугающей и без конца плачущей форме, как это происходит у многих других малышей. Девочку свою я очень любила, несмотря ни на что. Да даже ещё больше — за то, что она у меня такая особенная. «Мой цветочек,

мой котёночек», — ласково называла я её, целуя это маленькое, пахнущее молоком тельце.

Через несколько дней мы оказались на приёме у хирурга. Это, кстати, отдельная история — «дождаться явки и не умереть». Выйдя от педиатра, я сразу позвонила в поликлинику, чтобы записаться к хирургу, но талон к нему мне был предложен на дату практически через месяц. Первые секунды я пыталась быть крайне вежливой в надежде достучаться до железного голоса на другом конце провода. Но когда поняла, что все мои попытки призвать сотрудницу регистратуры к состраданию и здравому смыслу тщетны, обрушившийся на нее поток сознания с упоминанием фраз об ущемлении прав инвалидов сделал своё дело. Признаться, сама от себя не ожидала такого и, решив, что это проснувшийся материнский инстинкт, с ощущением триумфа стала готовить вопросы для хирурга.

Хирургом оказался довольно бойкий мужчина средних лет. Увидев ножки Полины, даже не поморщился, не удивился и вполне убедительно заявил:

— Вылечим! Не вы первые, не вы последние. Бинтование, массаж, ЛФК — и будет как новенькая.

Меня несколько удивил такой оптимизм, но в то же время эта его уверенность вселила в меня надежду.

— Доктор, а когда начнём? — с осторожностью спросила я.

— Да прямо сейчас. Давайте укладывайте её сюда, — быстро ответил хирург.

Сделав несколько поглаживающих манипуляций, он стал разминать ножки Полине. Как-то плавно перешёл к проведению ей пассивной гимнастики и сказал, чтобы я запоминала технику, ведь теперь эти манипуляции должны стать ежедневными (ну, если я хочу, чтобы дочь была «нормальной»).

В такие моменты я думала об одном: «Где же готовят таких «тактичных» и «добрых» врачей? Что это за практика такая — душить цинизмом бедных и без того запуганных пациентов?»

Неужели она действенна и способна принести положительные результаты при лечении?»

После гимнастики хирург тугими повязками стал забинтовывать Полине стопы. Малышке явно не нравилось происходящее, и постепенно с недовольного кряхтения она перешла на крик.

Так ежедневное многоразовое бинтование и гимнастика вошли в нашу жизнь, сделав из меня злобного карлика, причиняющего ребенку дискомфорт, а из Полинки — великомученицу, отказывающуюся смиряться с происходящим. Я утешала себя, что это всего лишь препятствие на пути к здоровым ножкам, трудности, которые мы вместе и преодолеем.

Помимо моих усилий и Полькиного терпения, нам был показан специальный массаж. Благо специалиста на базе поликлиники мы нашли сразу, чего не скажешь о деньгах, которые требовались для оплаты этого удовольствия. Надо сказать, это адская несправедливость, когда ты беден и болен одновременно! Ты постоянно находишься в состоянии контроля и вечных подсчетов денег с мыслями «хватит — не хватит». Но для себя я решила, что сделаю всё возможное: есть не буду, но Польку на ноги поставлю.

Никогда бы прежде не подумала, что доведется побыть в роли медсестры по массажу. Ежедневно я разминала и крутила стопы своей малышки в сторону, противоположную деформации. После гимнастики бинтовала их так, как показал хирург. Делать это приходилось несколько раз в день, так как повязки слетали. К концу первого месяца таких экзекуций над Полинкой я могла проделывать это с закрытыми глазами, но дочка орала каждый раз как в первый.

На контрольные осмотры к хирургу мы должны были являться каждую неделю, что мы, собственно, и делали. Моя жизнь превратилась в бесконечные кормления, массажи, убаюкивания и походы в поликлинику.

Всякий раз, осматривая Полю, врач одобрительно хлопал в ладоши и говорил, что видит положительную динамику, что мы на правильном пути и главное — не останавливаться.

В какой-то момент даже мне показалось, что действительно стопы Полиночки становятся лучше, будто даже немного повернулись в нужную сторону. Хотя, конечно, их положение было еще очень далеким от нормального.

Спустя три месяца после начала лечения врач внезапно объявил, что лечение закончено и теперь нам в помощь только ортопедическая обувь, которая поможет закрепить и улучшить результат.

— Как закончено, доктор? Ведь стопы ещё деформированы, и очевидно же, что никакая обувь тут не поможет! — весьма эмоционально возразила я.

— Милочка, я не волшебник и не обещал вам стопроцентного результата. Считаю, что достигнутого прогресса достаточно, чтобы прекратить издеваться над ребенком и вами, — цинично парировал хирург.

— Что значит издеваться?! То есть вы хотите сказать, что все эти три месяца длился лишь поддерживающий веру в излечение эксперимент?!

— Я хочу сказать, что мы с вами сделали всё возможное, чтобы как-то выправить ситуацию. Вы, конечно, можете продолжать тратить деньги на массажи и бесконечно бинтовать ребенку стопы, но я считаю, что это максимум из того, что можно было сделать с такими исходниками.

«Исходниками! Да что же это за врачи такие?! Словесные коновалы!» — схватив на руки Полинку, я фурией вылетела из кабинета хирурга с некоторым облегчением, что больше не придётся видеть физиономию этого «Гиппократ-недоучки».

Что делать дальше, было непонятно. Неужели он прав, и теперь только специальная обувь нам в помощь? Да какое там! Ортопедическая обувь на ножки семимесячного ребёнка, серьезно?

Внутренний голос подсказывал мне, что это какая-то профанация и нужно срочно, срочно искать другого врача. Что бы понимали эти периферийные хирурги!

Ещё одного врача, и уже не хирурга, а ортопеда, порекомендовала мамина коллега, которая жила в этом городе и более или менее разбиралась в местных светилах медицины. Пожилой дядечка с добрыми глазами и с бородой сразу приглянулся Полинке, а его улюлюканье и попытка говорить с ней на понятном ей языке даже вызвали беззубую улыбку у моей девочки. Наш новый доктор попросил сделать рентген стоп, поэтому на второй приём мы пришли уже со снимками. От увиденного доктор ужаснулся и даже не смог скрыть своего негодования. Единственным, что я смогла разобрать из потока медицинских терминов, были фразы: «Растянули связочно-суставной аппарат, вывихнули вилку голеностопа, малоберцовая кость сместилась назад». Из всего этого следовало, что своим «прилежным» трехмесячным лечением и процедурами мы сделали только хуже! Я сделала только хуже! Вывихнули нормальные суставы, из-за чего стопы дочки стали визуально выглядеть прямее, но деформация никуда не ушла, к тому же еще добавилось поражение здоровых тканей. Господи, но как же так?! Почему я сразу не почувствовала, что мы делаем неправильное, что причиняем вред?! В последнее время во всём я почему-то винила себя и чувствовала ответственность за печальные последствия.

— Не расстраивайтесь вы так раньше времени, ну! Давайте попробуем другую методику лечения, более сложную, но понадежнее, — предложил мне врач.

Речь шла о методике Зацепина, советского ортопеда, которая предполагает сначала долгое гипсование, потом операцию, затем снова гипсование и специальные тяжелые ботинки. Выбора, да и времени на раздумья у меня не было, поэтому я приняла это предложение и решила пробовать лечить ребенка таким способом. На следующий день мы пришли на гипсование. Смирения в Полине не прибавилось, и она,

несмотря на эмпатию врача, кричала как потерпевшая. Весело заговаривая моей крикунье зубы, врач довольно быстро наложил гипс и велел приходить через неделю.

На приём нужно было приходить уже без гипса, то есть снимать всё это хозяйство мне приходилось самой в кустарных условиях.

Таким образом, каждую неделю с вечера накануне приёма я в ванной размачивала гипс. Кроме аккуратного снятия, важно было отвлекать малышку игрушками и погремушками, чтобы она могла усидеть в одном положении. В этот период я научилась быть многоруким Шивой.

Были случаи, когда гипсование происходило неправильно, и пару раз гипсы съезжали, а пальчики прятались за край гипса. Хорошо, что я сразу замечала это и не оставляла без внимания. Когда снимали такой гипс, то обнаружили, что пятка поднялась ещё выше, стопа стала еще кривее. Постоянный контроль и наблюдение стали моими вечными спутниками. Я очень боялась, что что-то пойдёт не так.

Так прошло два месяца, и ничего, совсем ничего не изменилось.

Пришла пора делать операцию. Это второй этап лечения. Как и у всякой матери, моё сердце сжималось от боли от одного только слова «операция». Врач в деталях описал мне ход такой операции и напугал меня еще больше. Когда ортопед предупредил, что ребенок останется инвалидом, а с взрослением при ходьбе, возможно, появятся болезненные ощущения, я ужаснулась и засомневалась.

На размышления мне дали некоторое время, и чем больше я думала, тем больше понимала, какой трудный выбор мне предстоит. На одной чаше весов — нормальные с виду ноги, на другой — пожизненная боль, которую придется заплатить за эту нормальность.

Качели сомнений сильнее раскачивались в моменты, когда я видела, как радостно и свободно бегают детишки на детских площадках. Как же мне хотелось, чтобы и мой ребёнок мог так

же естественно и непринужденно радоваться движению! Как удивительно устроен человек: мы как данность воспринимаем наши естественные способности бегать, прыгать, ходить. И никому даже в голову не приходит, что это дар, доступный далеко не каждому.

Помимо душевных терзаний мы стремительно летели в финансовую пропасть. Денег катастрофически не хватало. Лечение выжало из меня все запасы, и даже разницы за сдачу в аренду нашей московской квартиры едва хватало, чтобы сводить концы с концами.

На семейном совете было принято решение продать дачу. Решение болезненное, ведь вместе с дачей мы продали память о счастливых днях моего детства. Руины памяти — вот что осталось мне в этой новой взрослой жизни. Эх, не так я себе представляла свою молодость...

Денег с продажи дачи хватило на какое-то время — на восстановление Полины и бытовые нужды. Я отчетливо понимала, что пора искать работу и становиться добытчиком. Жить на одну лишь учительскую зарплату мамы было и невозможно, и неправильно.

Мои мечты стать выдающимся дизайнером интерьеров пришлось засунуть куда подальше. Что я могла предложить работодателю? Пять лет универа, несколько лет фрилансерства и кучу семейных проблем? Несколько недель ушло на безрезультатные поиски работы. Пару раз меня даже приглашали на собеседование, но, увы, дальше бесед дело не шло. Когда я совсем отчаялась, мне позвонили из архитектурного салона, куда я подавала резюме одним из первых. Забытое чувство радости ёкнуло в моей груди, когда я услышала фразу: «У нас есть для вас должность...»

«Боже мой, неужели нашла?!»

— К сожалению, все ставки по дизайнерам у нас закрыты, но вы говорили, что готовы на любую работу. Мы можем вам предложить ставку менеджера по клинингу. Это, конечно, не та

позиция, на которую вы претендовали, но зато стабильная и с нормальными условиями труда.

Новомодные слова активно входили в профессиональный обиход, поэтому человеку не знающему могло бы показаться, что это очень серьезная должность. Главная по уборке, она же уборщица — вот та «стабильная» позиция, о которой шла речь. Отказываться в моем положении было глупо; деньги, как говорится, не пахнут.

Никогда не забуду свой первый рабочий день в новой роли. Какой же это адский труд — бесконечно тереть полы, таскать ведра с этажа на этаж и чувствовать на себе презрительные взгляды нарядных сотрудниц в туфлях на каблуке и красивых одеждах. Даже не знаю, от чего мне было тяжелее: от физической тягости или моральной — чувствовать себя третьесортной в окружении молодых и перспективных.

Плита отчаяния придавливала меня с каждым днём всё сильнее и сильнее. Окончательное решение по дальнейшему лечению Полинки я так и не приняла. Работа отнимала последние силы и приносила совершенно смешные деньги. Мои самооценка и самоуважение опустились ниже плинтуса и не позволяли даже помыслить о чём-то большем.

Так, загнанная мыслями, в один из вечеров я возвращалась домой. Накопившиеся усталость и отчаяние последних месяцев одномоментно нахлынули на меня, и я не смогла сдержать слёз. Шла и редела. Навзрыд. Возвращаться в таком состоянии домой было нельзя, незачем пугать маму и Полину. Присев на лавочку в сквере, я попыталась успокоиться.

Вдруг ко мне подседа какая-то старушка с огромной коробкой. Поставив свой груз на лавку, она раскрыла коробку и стала кого-то наглаживать и разговаривать, как с ребёнком. Я услышала ёрзанье и характерное поскуливание. Заглянув внутрь коробки, я увидела кучу маленьких черных комочков — щенков месяцев трёх от роду. Сразу нахлынули воспоминания о моей Чаре, такой же маленькой и тёплой. Снова слёзы покатались градом, и такая тоска и скорбь пронзили душу!..

«Как же я скучаю по тебе, моя дорогая девочка...» — молниеносно промелькнуло в голове. Столько времени боль потери сидела где-то глубоко, но ассоциации спровоцировали её в памяти, и я снова ощутила всю невосполнимость утраты — и четвероногого друга, и детства. Всё ушло безвозвратно.

— Милая, что же вы плачете? Не стоит так огорчаться, ничто в мире не стоит ваших слёз. Лучше вот, подержите, — сказала сердобольная старушка и протянула мне один из пищащих комочков.

И снова мокрый нос и шершавый язык с тёплым, будто парное молочко, дыханием. От этих тактильных ощущений в моей душе как-то разом сделалось хорошо и легко. Я будто снова почувствовала себя ребёнком, обнулив все неудачи взрослой жизни.

— Ой, кажется, вы ему понравились. Это самый ласковый малыш из всего помёта, добрый, но недоверчивый. А к вам вон как, как к родной. Забирайте!

«Только этого мне не хватало!» — подумала я. Но посмотрела на этого крохотного малыша — и моё сердце сжалось, и от мысли, что сейчас придётся положить его в коробку, сделалось как-то нехорошо и горько. А потом я представила, как подросшая Полинка будет крутить ему хвост, а он будет звонко визжать, и дом наполнят радость и веселье.

Стремительно ускорив шаг, я торопливо засеменила домой, аккуратно, но крепко придерживая лацканы пальто, чтобы пушистому комочку не было холодно.

ГЛАВА 10

Чочиев и Вавилов

Меня очень тяготило, что время шло, а решение по второму этапу лечения Полинки я так и не могла принять. Как-то не укладывалось в голове, что придётся подвергнуть ребёнка таким мучениям. Но и оставить всё как есть тоже было недопустимо.

Утром, после очередной бессонной ночи, когда мы собирались на приём к нашему ортопеду, чаша весов «делать операцию» перевесила.

Договорившись с собой и со здравым смыслом, я с дочкой вошла в кабинет врача.

— А вот и наши косолапки! — бодрым голосом поприветствовал нас врач. — Ну, рассказывайте, как ваши ножки, что решили?

— Мы подумали и решили, что всё-таки будем переходить ко второму этапу... — с осторожностью начала я. — Я много думала, сомневалась и... вот, наверное, я согласна. Раз от этого зависит шанс на более или менее полноценное будущее моей дочери, то я просто обяз...

Но не успела я договорить, как врач прервал меня на полуслове:

— Есть шанс обойтись без операции! Знаете что? Я буквально на днях вернулся с медицинской конференции, посвящённой проблемам деформации нижних конечностей, так вот, там были два врача, которые только что вернулись из Америки с новой методикой лечения косолапости.

И врач стал рассказывать мне о новой для России методике, с которой наши ортопеды на тот момент ещё не имели никакого опыта. Она якобы быстрее и консервативнее всех существующих, а главное — не требующая операции. Как только я услышала, что не требуется операция, внутренний голос уже сказал: «Да». Будто этого известия я и ждала, искала повод,

соломинку, чтобы не соглашаться на предлагавшиеся ранее крайние меры для такого маленького человечка.

Новость о новой «методике из Америки» меня воодушевила и дала надежду на благополучный исход лечения. Всё-таки «методика, о которой говорили на конференции в Америке» — фраза, внушающая доверие и какое-то подспудное уважение.

Оба врача с той самой конференции работали не в Москве, как положено всем медицинским светилам, а в весьма небольших провинциальных городках. Один врач был во Владимире, второй в Ярославле. Ни фамилия доктора Чочиева, ни фамилия доктора Вавилова мне ни о чём не говорили. Поэтому решение, к какому врачу ехать, было принято исходя из сугубо географических характеристик: город Владимир был ближе.

Решив не затягивать поездку, я изучила маршрут следования и позвонила в больницу, где принимал Чочиев. Так я выяснила, что местное светило детской ортопедии на данный момент в отпуске. Ресурсы моего терпения всегда были минимальными, поэтому решение не ждать было принято сиюминутно.

— Ну что, Полюня, собирайся! Едем в Ярославль! — обратилась я к ползающей на полу Польке.

Как только в нашей квартире появилась Чара-2, совместные игры на полу превратились в ежедневный увеселительный девчачье-собачий ритуал. Когда я смотрела на них, мое сердце радовалось, а издаваемый ими обеими звонкий визг стал символом домашнего уюта.

К счастью, на приём к Вавилову удалось записаться без отлагательств, оставалось дело за малым — купить билеты и ехать.

Поезд до Ярославля ходил довольно часто, поэтому, выехав из Москвы рано утром, к обеду мы уже были на месте. Старинный русский город показался мне очень атмосферным и

даже красивым. Ещё подумала: «Как только поставлю Полинку на ноги, обязательно вернёмся сюда погулять по старинным улочкам».

В кабинете областной больницы нас встретил крепкого телосложения и достаточно молодой врач. Белый халат в сочетании с военной выправкой, четкостью движений и тембром голоса произвели на меня очень сильное впечатление.

— Руки бы оторвать этим врачам! Так изуродовать ребенка, столько мучений! — не стесняясь в выражениях, отчеканил врач Вавилов. Он в пух и прах разнёс все те манипуляции, которые прежде были прописаны нам и «успешно» мною применены. Понимание, что все усилия, сделанные мной для Полинки, были напрасными, нет, даже не напрасными, а опасными, вызвало во мне горечь и обиду.

— Ну, вы не расстраивайтесь, теперь всё будет хорошо. Методика Понсети, которую я практикую и рекомендую своим пациентам, позволит исправить стопы ребёнка без хирургического вмешательства. Гипсование, дисциплина и брейсы — залог успешного результата, — на одном дыхании произнёс Вавилов.

«Говорит он, конечно, убедительно, но как-то слишком уж всё просто, что ли. Разве можно такие ноги вылечить лишь гипсованием и дисциплиной? И как какие-то брейсы, или что там, помогут из ножек-закорючек сделать здоровые стопы?! Не-е-ет, наверняка это преувеличение. Не верю!» — таким был мой внутренний монолог, пока доктор вдавался в подробности, продолжая рассматривать стопы Полинки.

— На словах всё звучит очень убедительно, доктор. Хочется вам верить, конечно... Но наверняка есть какой-то нюанс, о котором вы мне еще не сообщили, — продолжила я.

— Нюанс? Нюансов нет... Так, а вы у нас откуда? — задал вопрос доктор себе под нос, листая медкарту Полины. — А, Москва. Нюанс только в стоимости лечения для иногородних, но... — не успел договорить врач, прерванный мной (поскольку

я была иногородней для областной больницы Ярославля, лечение по умолчанию предполагало платную основу).

— Сколько?! — мой вопрос прозвучал так отчаянно громко, что, наверное, всем присутствующим стало понятно, что дела мои совсем плохи.

— Порядка ста тысяч рублей, — уже не так браво произнес Вавилов.

Ну, не-е-ет, ни о каких ста тысячах речи и быть не могло. Мы просто не располагали такими деньгами. Ни я, ни мама. И заработать их можно было бы только к Полькиному восемнадцатилетию.

«Ну, всё, мы обречены», — пронеслось в моей голове. Затянувшаяся пауза и мой недоумевающий вид с погруженностью в себя, видимо, заставили врача продолжить:

— Да, лечение дорогостоящее, не каждому по карману, но существуют специальные фонды, которые занимаются сбором средств для лечения детей. Можно попробовать через них. Русфонд этим занимается. Я дам вам телефон их специалиста, свяжитесь и узнайте, какие документы нужны, какие есть нюансы.

«Неужели в наше время существуют организации, способные делать что-то бесплатно?! Неужели и нам смогут помочь?» — не унимался мой внутренний голос.

Мы с доктором договорились, что будем на связи и, как только я соберу все документы, назначим дату и время начала лечения.

Возвращалась из Ярославля я весьма окрылённой. Свет, забрезживший в конце тоннеля, определённо вселял надежду. И даже предстоящее погружение в сбор документов для бюрократической машины не могло омрачить мою надежду.

Все необходимые справки я стала собирать буквально на следующий день, сразу после разговора со специалистом Русфонда. Когда я увидела справку о своих доходах, мне даже стало себя как-то жаль: сущие копейки для такой амбициозной в недалеком прошлом студентки. Справка о составе семьи тоже

выглядела весьма прискорбно: я и дочь. Невольно пришли на ум строки Некрасова:

*«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я».*

Да, семья небольшая, но очень дружная и самая любимая! Но для Русфонда это вполне аргументированный сигнал о помощи: одинокая мать со скромными доходами как никто нуждается в помощи и поддержке. Поэтому в данном случае моё незавидное положение было благом, и шансы на бесплатное лечение Полины заметно возрастали.

Обязательным условием фонда были выезд специалиста к нам на дом и видеосъёмка, которая впоследствии монтировалась в сюжет с рассказом о заболевании, на избавление от которого, собственно, и открывался сбор средств. Так мы с Полинкой стали «телезвездами» — честно, не очень приятное занятие. Оказалось, что очень трудно делиться своей проблемой на камеру и просить помощи.

Кроме справок, нужно было заполнить специальную анкету, которая подтверждала адресность помощи. Это и логично: всегда нужна точно знать, для кого и на что именно ведётся сбор средств. Сумма-то немаленькая, сто тысяч на дороге не валяются. Надежда, что фонд поможет, крепла во мне день ото дня.

Вместе с этой надеждой во мне снова проснулась жажда жизни. Стремление жить полноценной жизнью, счастливой жизнью вместе с моей По. А ещё очень захотелось на тренировку. Я не была там с добеременной поры.

На таком душевном подъёме я решила пробежаться в парке неподалёку. Натянув на себя спортивную форму и кроссовки, понеслась на встречу эндорфинам. Папа всегда говорил, что бегать по асфальту — очень сомнительное и пагубное удовольствие для суставов. Конечно, идеальным местом для

пробежек мог бы стать стадион, но бег по кругу меня всегда очень утомлял и давался морально тяжелее: бежать по кругу и одновременно свободно думать никогда не получалось. Благо парк в нашем районе был достаточно протяжённым, и мне было где разогнаться.

Надо сказать, что в процессе бега я редко смотрю по сторонам, потому что полностью отдаюсь процессу, но в этот раз мой взгляд привлекла настолько правильная техника бега соседнего бегуна, что я просто не могла не обратить на него внимание. Заметив правильно движущуюся фигуру ещё вдалеке, я немного сбавила темп, чтобы как следует разглядеть этого профессионала.

Это был складно сложенный мужчина, длинные ноги и широкие плечи идеально обтягивала профессиональная спортивная форма. Мне, как истинному ценителю красоты спорта, было трудно оторвать от него взор. Надо же, откуда в нашей дыре профессиональные спортсмены?

Насладившись красотой момента, я всё же решила пойти на обгон. Тут сказались спортивный азарт и желание показать себя: мол, не один он тут такой профессиональный. Жаль, что глаз нет на затылке — было интересно взглянуть, что там на его лице.

Осилив километров пять, я поняла, что пора возвращаться — силы покидали меня, а еще предстояла дорога домой. Перейдя на шаг, устремилась в сторону дома.

Вдруг со мной кто-то поравнялся. Это оказался тот самый профессиональный бегун, которого так же, как и меня в нём, привлекла моя техника бега.

Профессионала звали Влад, и он действительно оказался профессиональным лыжником. В нашем городе был в командировке и, конечно, сильно удивился, признав во мне «свою». С лица он оказался ещё приятнее, чем со спины. Надо же, как удивительно гармонично сочетались в человеке природная красота со спортивной огранкой!

Мы разговорились. У нас оказалось много общего: помимо бега и лыж Влад увлекался сноубордом, а еще неоднократно бывал в «моей» Индии. И если первую половину пути я была достаточно сдержанна в словах, то, как только речь зашла о стране моего сердца с наилюбимейшим «хани лемон джинджерти», я немного оттаяла и предалась воспоминаниям, без устали рассказывая о своем отпуске.

Так незаметно мы оказались возле моего подъезда. Сомнений, давать или не давать ему свой телефонный номер, уже даже не возникало. Мы попрощались, и я, утомленная бегом, упоенная воспоминаниями и новым приятным знакомством, вернулась к своим девочкам.

Писать и звонить мне Влад начал буквально с первого дня. Нам всегда было о чём поговорить и что обсудить, всё было настолько органично и легко, словно мы были знакомы всю жизнь. Оказалось, что мы неоднократно участвовали в соревнованиях в одно и то же время, занимались в одной лыжной секции, а младшая сестра Влада училась со мной на одном потоке в универе.

Не заставило себя долго ждать и первое свидание. Я чувствовала себя школьницей, но и одновременно испытывала такой давно забытый щенячий восторг. Букеты, конфеты, милые эсмэски — как же это было трогательно и приятно! Я вдруг снова ощутила себя девочкой, папиной принцессой, к ногам которой готов пасть весь мир. О том, что у меня есть Полинка, я сказала сразу и так непринужденно, что сама от себя не ожидала. Подумала, что если его это отпугнёт, то лучше пусть сразу, чем после затяжного общения, привязанности и драмы неготовности к чужим детям в конце. К моему удивлению, Влад воспринял новость о моей дочери позитивно и даже как-то радостно.

«Удивительный», — подумала в тот момент я и решила, что, наверное, это знак.

Решила и забыла, поскольку полностью погрузилась в сбор и оформление документов для фонда. Мне нужно было во что бы то ни стало получить лечение для Поли!

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Это был Влад. Он предложил встретиться и погулять втроём. К тому моменту он уже хорошо знал мой график и распорядок дня. Я была не готова к такому скоропалительному его знакомству с моей Полиной, но, решив, что, значит, так благоволят звёзды, согласилась и сказала Владу ждать нас возле дома.

Пока я спускались по лестнице, в моей голове пронеслось несколько сценариев: «А вдруг она ему не понравится? А вдруг он её испугается? А вдруг он не понравится Полине? А насколько это вообще правильно и прилично? — я просто захлебывалась от вереницы мыслей. — Каково это — знакомить своего ребёнка со своим парнем? Каково это — знакомиться с ребёнком своей девушки?»

Звучало это всё как-то не очень складно, и, решив довериться обстоятельствам, я уверенно шагнула из подъезда, выкатив коляску с Полиной, будто победный трофей.

— Кто это у нас такой хорошенький тут? — усюсюкая, спросил Влад, глядя в коляску. — Привет, Полинушка, я Влад! А это тебе! — продолжил он обращаться к Полине и протянул ей плюшевого зайца.

Дочь наблюдала за всем происходящим в недоумении, и лишь её улыбающиеся глазки-щёлочки и протянутые навстречу зайцу ручонки свидетельствовали о том, что контакт состоялся и Влад принят.

— Да ты профи в общении с маленькими людьми, — колко пошутила я, всячески пытаюсь скрыть своё волнение.

— Да нет же, просто представил себя на месте Полины и решил, что нет ничего лучше для расположения к себе, чем какой-нибудь подарочек. И вот вроде бы расположил. Можно я поведу?

Моё сердце дрогнуло, я пустила Влада за штурвал коляски,
и мы отправились в сторону парка.
Я была счастлива.

ГЛАВА 11

Свет в конце тоннеля

Такие прогулки стали частью нашей жизни. Совместный досуг с Владом здорово поддерживал меня, пока фонд собирал средства на лечение Полины. Успокаивая себя, что сделала всё от меня зависящее, я пыталась отвлечься и не думать о сборах. Влад видел, как я переживаю, и старался всячески приободрить меня. Кстати, о том, что Полина моя — особенная, я рассказала, вернее, показала ему на одной из совместных прогулок. То ли это спортивная выдержка, то ли чувство такта, но никакого выражения ужаса или неприязни на его лице я не заметила. Единственное, о чём он меня спросил, — лечится ли это и что для этого нужно. Я рассказала обо всех наших злоключениях и о новой обнадеживающей попытке предстоящего лечения в Ярославле.

К моему удивлению и радости, сбор денег занял всего два месяца. После сообщения о результатах мы стали готовиться к поездке в Ярославль. Денег по-прежнему катастрофически не хватало (в связи с лечением ребенка количество отработанных мною часов заметно сократилось), и я приняла решение съездить на гипсование одним днём. Благо дорога в одну сторону занимала всего четыре часа — выехав рано утром, к обеду мы уже были на месте.

Мастерство Вавилова в гипсовании было очевидным: несколько профессиональных манипуляций, полное спокойствие Полины, четкость и уверенность в действиях — и наши ножки были готовы. В смысле загипсованы. На всё про всё ушло не более полутора часов.

Всю обратную дорогу до дома Полина не спала, что было очень странно, ведь, по обыкновению, поездная тряска должна была её укачать. «Крепче будет ночью спать», — подумала я.

Эту варфоломеевскую ночь я не забуду никогда. Дочь орала дурниной, не помогали ни укачивания, ни пляски с бубном

вокруг. В том, что такой была реакция на гипс, не было никаких сомнений. После трёх часов истощающего плача Полины плакать начали все женщины в нашем доме. Не знаю, как соседи не вызвали полицию. Мне кажется, нас было слышно даже в соседнем районе. Я проклинала всё, что можно: и первых врачей, и себя, и гипс, и вселенскую несправедливость. Мысли о том, что нас опять развели, что я снова выбрала не тот путь и не того врача, не давали мне покоя. А для себя твёрдо решила: если плач не прекратится в следующую ночь, то мучить своего ребёнка я больше не дам и сниму всё к чертям!

Как мы уснули, я не помню, но следующий день после пробуждения Полинка была весьма спокойной и улыбчивая. О том, что ночка была адовая, напоминали только мои тёмные круги под глазами и измученный видок. Похоже, эти гипсовые штучки больше не вызывали в дочке раздражения и не доставляли неудобства. Однако очередную порцию стресса я отхватила уже к вечеру воскресенья, когда возникла необходимость искупать дочь. Однажды в детстве я повредила руку, мне наложили гипс, и мылась я, заматывая загипсованную руку полиэтиленом. Дико неудобно и дискомфортно, но мыться можно.

В ситуации с двумя гипсами на обеих ножках одной мне было не справиться, поэтому на помощь была призвана мама. Она держала Полю, я придерживала ножки дочери левой рукой, а правой поливала тело водой из душевой лейки. Очень сложная манипуляция, граничащая с деятельностью сапёра: одно неверное движение — и гипс намочен. Первое боевое крещение мы прошли с достоинством: и Полинку помыли, и гипс уберегли. Я немного расслабилась и подумала, что все сложности с привыканием к гипсу и с его эксплуатацией преодолены. И как только я расслабилась, в один из таких вечеров омовения вода попала на гипс. Меня прошиб пот, в висках застучало. Мысль о том, что всё пропало, что сейчас гипс деформируется и нас снова настигнет провал, ужасала меня. Не придумав ничего лучше, я стала сушить его феном. Сушить и

постоянно проверять на целостность, пытаюсь взглядом уловить возможные изменения. Но, по-моему, деформации не произошло.

Приехав на второе гипсование, я поделилась с Вавиловым своим ноу-хау в мытье ребенка, и доктор чуть не съел меня. В последний раз меня так отчитывал школьный завуч, когда мы в пятом классе приклеили ножки учительского стула к полу.

— Ни в коем случае нельзя мочить гипс! Ну, где ваша голова?! Прошу вас, никаких экспериментов и псевдодобств! Только влажные салфетки. Ну поймите вы: одно неверное движение — и под хвост пойдут все многонедельные старания, — сокрушался врач.

Я всё поняла, приняла и больше играть с водой не стала. Салфетки так салфетки. Вообще в плане дисциплины меня очень хорошо закалили спорт и папа. Даже ошибаясь, я всегда вначале анализировала причины провала и только после этого укладывала выводы в свою копилку жизненного опыта. И, конечно же, старалась больше не ошибаться. Такое трезвое восприятие здорово помогает жить и настроиться на правильный лад, не унывать и не раскисать. Нужно точно знать, чего ты хочешь и куда для этого должна двигаться. Решение сделать в комнате доску визуализации, на которой будут все мои цели, в этот раз пришло как-то само собой. Причин было две. Во-первых, желание каждый день видеть, ради чего это всё; возможность представить, как это будет; почувствовать уверенное будущее и удовлетворение. А во-вторых — необходимость украсить эту тусклую стену съёмной квартиры чем-то своим, ярким и красивым. Переклеивать обои во временном пристанище не было ни сил, ни денег. Так в спальне появилось яркое пятно со всеми моими хотелками, которых я обязательно добьюсь. Картинка бегущей по кромке воды малышки было одним из первых главных изображений. Так побежит моя Полинка по берегу Аравийского моря, куда я непременно ее отвезу. В Индию.

Каждое утро я подходила к этой стене и улыбалась, пытаюсь прочувствовать ту радость, которую буду ощущать в момент достижения цели. Так, в привыкании и надежде на результат, мы успешно пережили четыре гипсования. Когда во время пятой процедуры я заметила, что ножки стали ровнее, просто не поверила своим глазам! Они правда почти ровные! Они другие, не такие, какими я привыкла их видеть. Ровненькие!

Поистине это казалось чудом. Впечатлённая результатом, я окончательно поверила в будущий успех лечения у Вавилова. Несмотря на благоприятные успехи в борьбе с косолапостью, я испытывала какое-то постоянное нервное напряжение. Да, собственно, оно меня никогда и не отпускало с момента рождения Полины. Смириться с тем, что твой ребенок особенный и что жить придется в постоянной борьбе, — тот ещё крест. Вдобавок меня просто добивала эта вечная нехватка денег. Поездки в Ярославль здорово ударили по нашему, и без того скромному, бюджету, плюс ежедневные нужды младенца, да и потребности мамы никто не отменял. Ещё и Влад со своими романтическими свиданиями, на которые мне тупо нечего было надеть... Первое время я старалась не обращать на это внимание, да это было и неважно в тот момент, но позднее стало для меня огромной проблемой и даже комплексом. Вокруг столько нарядных девчонок, и я... в платье устаревшего фасона времён моего школьного выпускного. В один из таких вечеров мы с Владом жутко поругались — первый раз так серьезно и из-за такой ерунды.

Влад пригласил меня на день рождения друга в небольшой местный ресторан. Накручивать себя я начала еще дома, собираясь и психую, что со мной всё не так: не то платье, не те туфли, не то всё. В общем, в ресторан я пришла уже взвинченная, и вид сногшибательных красоток вокруг добил меня окончательно. Я уже не помню, с чего всё началось, но я обвинила Влада во всех смертных грехах, первым из которых была его идея привести меня сюда и опозорить перед всеми.

— Ты заставил меня почувствовать себя ущербной! Посмотри на них и на меня! Мне стыдно! Да и тебе должно быть стыдно, что с тобой такое чучело рядом! — без остановки несло меня.

Влад смотрел на меня испуганными глазами, пытаюсь объяснить, убедить в том, что я самая красивая.

— Да даже если на тебя наденут картофельный мешок, для меня ты будешь самой красивой, — спокойно заключил он.

На этой фразе я просто сошла с ума и, вскочив, бросилась прочь.

— Ах, то есть мое платье — картофельный мешок? Да пошёл ты! — с этими словами я пулей вылетела из ресторана.

Идя в сторону дома и плача, я жалела и стыдилась себя одновременно. Сорвалась на любимом человеке, унизила себя и его своей глупостью, проявила малодушие и слабость. Стыдоба.

Мысли о произошедшем инциденте не отпускали меня и на следующий день. Будучи на работе, я прокручивала в голове случившееся, вспоминала растерянное лицо Влада и всё не могла найти смелости позвонить ему. Он не писал и не звонил. Было понятно, что он обижен. И вполне заслуженно, конечно.

Равнодушно подметая шваброй офисные полы, я придумывала речь, с которой начну свой извиняющийся монолог, который, к слову сказать, мне не понадобился. Влад ответил сухо и бросил что-то типа: «Привет, мне сейчас не совсем удобно, я в командировке. Созвонимся, когда вернусь». Тут я погнала ещё дальше, решив, что слова о командировке могут быть вежливой формулировкой того, что больше мы не будем общаться. Погрузившись в печальные мысли ещё глубже, я решила уйти в активную деятельность с головой. И максимально занимать всё свое время и мысли дочерью, работой и лечением косолапости.

В этой гонке по преодолению недуга Полиночки я окончательно забила на свои карьерные амбиции, забыв о мечтах стать крутым профессионалом в архитектурном дизайне. С этим надо было прекращать, и я осторожно и ненавязчиво пыталась взаимодействовать с ребятами из архитектурного

бюро, невзначай давая понять, что я, в общем-то, нахожусь с ними в одном профессиональном поле. Мне хотелось показать, что я владею концепцией художественного синтеза в архитектуре на основе развития идеи геометрической гармонии и порядка. Однажды во время утренней уборки в переговорке я увидела чертеж перепланировки огромного здания — судя по всему, торгового центра. Взяв карандаш, решила вспомнить профессиональное прошлое и сделала несколько пометок.

— Да, так-то лучше, — сказала я, держа карандаш в руках. И, полюбовавшись масштабностью чьего-то будущего проекта, продолжила уборку.

На следующий день меня вызвал к себе руководитель бюро, молодой и импозантный Александр. Бросив на меня оценивающий взгляд сквозь очки в дорогущей оправе, он произнес:

— Алина, вчера в переговорной после вашей уборки на нашем проекте появились некоторые пометки. Это ваших рук дело?

Я залилась румянцем и почувствовала, как кровь прилила к ушам.

— Я прошу прощения, да. Увидела, не смогла удержаться и добавила несколько нюансов, как я бы это видела. Извините, я сотру.

— Нет-нет, всё в порядке. Даже наоборот, прекрасно! Я нашёл ваши правки вполне резонными. Вам удалось улучшить эргономику здания, а нам как раз этого и не хватало.

Я выдохнула, поскольку очень сильно напряглась — не хватало мне еще проблем на работе...

Александр продолжал:

— Алина, я хочу предложить вам попробовать себя в роли помощника архитектора проекта в нашем бюро. Пока на полставки, а дальше посмотрим. Ну, что скажете?

Разумеется, я была согласна.

Я вцепилась в эту возможность и была настроена решительно: если потребуется, буду ночевать на работе. Такой шанс упускать нельзя.

ГЛАВА 12

Странные ботинки

Тем временем мы с Полиной оказались на новом рубеже: после пятого гипсования нам была показана ахиллотомия. Уже в самом начале лечения у Вавилова мне было не по себе от одного названия этой операции. Ахиллотомия... Древнегреческий миф, повествующий о самом слабом месте героя, не выходил из головы, в которой рисовались самые скверные ассоциации. Аргументы врача в пользу безопасности процедуры служили слабым утешением. Я жутко боялась. Формулировка «маленький прокол в районе пятки» хоть и звучала успокаивающе, но факт того, что для этого нужен наркоз, усугублял мои тревожные настроения. Такой малютке — и наркоз... Собрав все необходимые анализы, мы приехали сдаваться.

Суть процедуры заключалась в том, чтобы удлинить сухожилие и придать стопе подвижность. Отступить было некуда, поэтому, скрепя сердце, я привезла дочь на эту адскую операцию. Пока Вавилов разбирался с Полиной, я не находила себе места в больничной палате. К моему удивлению, всё прошло быстро, хотя, конечно, для меня каждая секунда казалась вечностью. Всё прошло хорошо, Полинка быстро отошла от наркоза и вела себя как обычно.

Вернули мне её снова загипсованной. Врач, чтобы я не пугалась, сразу предупредил, что в месте проведения разреза может выступить кровавое пятнышко — это нормально. Пробыв еще несколько часов под врачебным наблюдением и убедившись, что всё идет по плану, мы отправились на поезде домой. А в следующий раз приехали в клинику через три недели.

Острые ощущения добавились в мою жизнь сразу после того, как с Полины сняли гипсы и нацепили на ее ножки какие-то невообразимые штуки под названием брейсы. Это специальная ортопедическая конструкция, которая и должна

была помочь Поле стать полноценным членом общества, избавив её от косолапости. Конструкция представляла собой два ботинка, соединенных между собой железной палкой. Эти брейсы напоминали маленький сноуборд, который сковывал детские ножки и удерживал их в правильном положении. И вот эти «Медвежата», как называл их Вавилов (брейсы выпускала компания по производству ортопедической обуви «Медвежонок»), должны были окончательно избавить Полину от косолапости. Но это потом, а пока они превратили нашу жизнь в ад. Эта конструкция должна была скреплять ножки Полины 23 часа в сутки! 23!!! И так целых три месяца! Допускались только тридцатиминутные перерывы: утром и вечером. Потом время ношения брейсов постепенно должно было уменьшаться, и где-то через полгода брейсы нужно было надевать только на время сна, и так до четырёх-пяти лет. И это не укладывалось у меня в голове. До пяти лет! Первые три ночи дочь просто не успокаивалась, орала бесконечно. А вот днём готова была орать я — одевать и переодевать Полину с такой бандурой на ногах было невозможно! К тому же я не сразу приоровилась правильно надевать на неё эти ботинки, а потом, боясь пережать стопы (несколько раз брейсы слетали с маленьких ножек), училась зашнуровывать как надо. На четвёртую ночь Полина смирилась с безысходностью и худобно уснула, впервые за всё время. Я с облегчением вздохнула, но наутро обнаружила еще одну проблему — огромный мозольный пузырь у дочки на пятке. Не придумав ничего лучше, я положила сверху этой мозоли ватный диск и надела на Полину брейсы. Вечером, сняв с нее ботинки, я увидела, что мозоль лопнула и стала кровить.

Казалось бы, мозоль, что тут такого? Но на такой малюсенькой пяточке, на такой нежной коже это выглядит как смертельно зияющая рана. В голову ничего, кроме «приложить алоэ», как делал мой дедушка в детстве практически от всего, мне не приходило! Поэтому, недолго думая, я схватила Полинку и побежала в городскую

поликлинику. Там-то мне уж точно скажут, что делать и как быть.

Педиатр сразу отправила нас к хирургу, поскольку мозоль считается микротравмой, которую надо лечить как рану, то есть у хирургов. Осмотревший Полинку дяденька первым делом спросил, зачем я нацепила на ребенка это ужасное с виду приспособление. На мою попытку объяснить необходимость и пользу брейсов он скептически покачал головой и выразил своё сомнение по поводу всего этого:

— Что только не придумают, чтобы развести народ на деньги... Брейсы... Название-то какое... Еще ужаснее, чем сама конструкция.

Тут я впервые поняла, что это только начало людских предрассудков, осуждения и бестактности. Уж если врач позволяет себе такое, что уж говорить о простых обывателях? Закончив рассуждать и осуждать, хирург посоветовал промыть ранку и делать повязки с бетадином. Обязательно клеить бактерицидный пластырь, прикрепляя сверху ватный диск, и поддевать носок потолще или два тонких. Про носки я могла догадаться и сама, конечно.

Через неделю мозоль подсохла и перестала беспокоить Полю.

«Ну да, странная конструкция, ну и что? Ну да, такое не встретишь повсеместно, и что? Что тут такого — быть не таким, как все? Почему наше общество так любит осуждать то, чего не понимает? Осуждать и не стесняться это озвучивать!»

Эти вопросы стали возникать в моей голове задолго до лечения Полинки, а сразу, как только я поняла, что мы уже другие, не такие. Просто в тот момент её ножки не были заметны каждой бабке на лавке, по сути нечего было и обсуждать. Сейчас я отчетливо понимала, что во время коррекции Полинкиной косолапости брейсами мне определённо предстояло вести себя еще более стойчески.

К слову сказать, эта стойкость мне требовалась еще и в обращении с самой брейсовой конструкцией. Естественно,

дочери не нравилась эта штука на ногах, естественно, она инстинктивно, как бычок в схватке с тореадором, пыталась от них избавиться и постоянно размахивала ножками в разные стороны. Мне неоднократно приходилось получать такой бандурой с размаху. Весьма больно и с последствиями — все руки были в синяках.

Однажды во время очередного переодевания и такого неистового размахивания ногами дочь заехала сама себе брейсами по лбу и поранилась. Стало понятно, что надо что-то предпринимать, дабы обезопасить ребёнка. Нужно было чем-то обернуть саму планку, чтобы смягчить удары. Поролон пришёл на ум как-то сам собой, и мы с мамой, вспомнив уроки труда в школе, намотали его на планку. Выглядело это не очень красиво, но было функционально и безопасно.

Время шло, а нелюбовь Полины к новому аксессуару только крепла: при любой возможности отказаться от надевания брейсов она плакала и недовольно морщилась. Мне кажется, в тот период я обрела опыт профессионального фокусника, который способен развлечь и отвлечь всё и вся. Игрушки, погремушки, книжки — все подручные средства стали моими верными помощниками в операции «Надеть брейсы».

Как только заканчивалось одно испытание, я тут же погружалась в другое — операция «Выйти в свет». Практически каждый наш выход на улицу сулил мне встречу с бабулями у подъезда, которые считали своим священным долгом призвать меня к милосердию и перестать издеваться над ребёнком.

— Ну сколько можно издеваться над ребёнком, чего ты к ней привязалась?! Палку вон какую-то нацепила! Это ж кандалы! Оставь уже ножки её в покое, она такая, какой Бог её создал, не лезь в природу, пусть растёт спокойно, не всем красавицами быть! — громче всех сокрушалась староста нашего подъезда, древняя Капитолина Петровна. И если первое время я что-то пыталась им объяснить, то впоследствии просто делала вид, что они говорят не мне и не со мной. Благо мама гуляла с Полиной чаще и относилась к этим старческим бредням весьма

терпимее: «На каждый роток не накинешь платок, пусть говорят что хотят».

Между тем жизнь моя была ключом. Я очень быстро освоилась и превратилась из уборщицы в равноправного коллегу-архитектора, который что-то да понимает в этом деле. В перерывах между работой мы дружно собирались на кухне и весело стрекотали о планах, предстоящих отпусках и важных событиях. Ну а поскольку мне похвастаться было особо нечем, я в основном слушала и мечтала, что когда-то мне тоже будет что рассказать.

Работа захватила с головой — наша компания участвовала в тендере от крупной компании. Это оказался ресурсоемкий процесс, который могут себе позволить лишь архитектурные студии с сильной командой. Шеф собрал трех сильных специалистов и привлёк меня. Я, конечно, обалдела от уровня доверия и объемов работы, но загорелась и погрузилась в выполнение этого заказа. Понятно, что рабочего дня было мало для такого проекта, и пришлось работать ночами. Но я была убеждена: это стоит того, это шанс заявить о себе, заслужить уважение и признание коллег.

Четыре недели в непрерывном режиме, потом еще неделя ожидания результатов — напряжение нарастало. Но я так гордилась проделанной работой, что даже не сомневалась в успехе. А напрасно. Как сейчас вижу перед собой лицо этого напыщенного индюка Александра, торжественно и радостно сообщаящего нам, что тендер выигран, что все мы большие молодцы, но бо́льший молодец всё же он. Поскольку именно он взял на себя смелость и «решил придать авторитетности проекту Алины», подписав его своим именем! Своим! То есть этот индюк присвоил себе мою работу и победил! Циничность ситуации заключалась в том, что он даже не постеснялся в этом признаться, причём при всех.

Все стали поздравлять друг друга — ведь всё же для фирмы это большая удача и успех. Теперь все обеспечены работой и стабильной зарплатой, которую к тому же обещали увеличить.

Видимо, я оказалась тёртым калачом, и сложившаяся ситуация меня, конечно, огорчила, но не выбила из колеи и не ввергла в обречённость. И, надо сказать, не напрасно.

После объявления итогов и всеобщих поздравлений мы остались с Александром вдвоём. Повисла неловкая пауза, которую он попытался очень ловко заполнить:

— Алина, я хочу поблагодарить вас за вклад во всеобщую победу. Это был крутой и очень сильный проект. Поймите, я не мог подписать его фамилией сотрудника, который, по сути, и не работает в фирме. Я был вынужден.

— Всё в порядке, Александр, я всё понимаю. Бизнес. Ничего личного, как говорится, — весьма спокойно заключила я.

Он продолжал:

— Я думаю, что это не последний тендер в жизни нашей компании, и у вас ещё будет возможность себя проявить. Поэтому я предлагаю вам официальное трудоустройство в штат, со всеми вытекающими. Что скажете? Согласны?

Конечно, я согласилась. Тратить время на обиды и выяснения отношений с судьбой — давно не мой стиль. Поэтому, с благодарностью приняв новую возможность, я отправилась домой, к своей косолапке. Всё же эти пять недель были очень тяжёлыми, теперь можно было никуда не торопиться, а спокойно наслаждаться маленькими Полькиными победами.

По дороге домой я думала о Владе. Ужасно захотелось увидеть его и обнять, рассказать про тендер, про плагиат и официальную работу. Когда же уже закончится его командировка и мы наконец-то поговорим? И я наконец-то извинюсь?

Не успела я подумать об этом, как на углу своего дома заметила знакомый силуэт. Это был он.

— Вла-а-ад! — вскрикнула я и бросилась к нему со всех ног.

— Ну здравствуй, родная. Как ты? — так спокойно сказал Влад, обняв меня и поцеловав в макушку.

— Прости меня, пожалуйста. Я была не права. Я больше так не буду... — как маленькая, начала щебетать я.

— Ну и прекрасно. А я больше не буду так надолго уезжать от тебя. Держи, это тебе, — и Влад протянул мне подарочный пакет с бархатной коробкой.

Это было вечернее платье. Мне было радостно-приятно и стыдно одновременно. Повиснув на его шее, как ребенок, я утонула в сладких грезах. Я была абсолютно счастлива.

ГЛАВА 13

Вкус счастья

В суете трудовых и родительских будней как-то незаметно наступил июнь. Первое наше совместное лето с Полиной. Я обожала гулять с ней по городу, наматывая сотни километров и при этом не только доставляя удовольствие себе, но и принося пользу дочери. Полина вальяжно разваливалась в коляске, закинув ноги в брейсах на ручку, и рассматривала окружающие пейзажи, попивая сок из бутылочки. На детские площадки мы заходили исключительно для того, чтобы прокатиться на горке, этот аттракцион стал любимой забавой Полинки. И даже брейсы были не помехой для быстрого и веселящего дочь скольжения. Три месяца понадобилось Полине, чтобы привыкнуть к брейсам, не капризничать и жить обычной малышовой жизнью. Наградой за такую привычку стал новый режим ношения брейсов: теперь их можно было снимать не на один час в день, а на целых четыре. Поэтому теперь по несколько часов в день Полинка была обычным среднестатистическим ребенком со свободными ногами. Мне, как маме, такой график тоже во многом облегчил жизнь: всё стало удобнее, проще и быстрее.

Я не знаю, способны ли мамы здоровых детей радоваться таким, казалось бы, естественным вещам в жизни своего малыша, как здоровые ножки, свобода движения и передвижения? Задумывались ли они когда-нибудь, что всё это — такая бесценная ценность и счастье? Я смотрела на ноги своей дочери и не могла налюбоваться: какое же это счастье — иметь такие нормальные ноги! Какое счастье ребёнку лежать босоногим, свободно ползать и тащить свою лапку в рот, не боясь получить от себя же по голове железной штуковиной. Счастье!

На работе тоже всё вошло в какое-то русло успеха и удовольствия. После тендера и новой должности коллеги и руководство стали не просто прислушиваться ко мне, а мое

мнение стало настолько весомым и порой решающим в каких-то вопросах, что первое время это вызывало во мне некоторое стеснение. Однако я быстро адаптировалась и стала осознавать свою профессиональную ценность. Осознавать и гордиться. Но не громко, а в глубине души, вдалеке от посторонних глаз. Думаю, папа бы тоже порадовался за меня и мои успехи.

После того как директор предложил мне курировать один из наших московских проектов, мы с мамой всё чаще стали задумываться о возвращении домой, в Москву. Работа стала приносить не только удовольствие, но и стабильный доход, поэтому всё складывалось лучшим образом. По глазам мамы я видела, как она загоралась при мыслях о возвращении к родным истокам. Мне тоже хотелось вернуться и жить так, как раньше, поэтому я твёрдо решила, что нам пора. Предупредив арендаторов, через месяц, в разгар лета, мы вернулись в московскую квартиру. Всё складывалось как нельзя удачно, и мне даже становилось как-то страшно, что это может по каким-то законам подлости закончиться.

Так совпало, что Влад закончил свой проект на периферии, и мы почти одновременно вернулись в Москву. Именно в этот момент он сделал мне первое серьёзное предложение за всё время нашего общения. Жить вместе. «Жить вместе» — да это предел мечтаний каждой девушки, состоящей в романтических отношениях. Такое предложение — это же знак, знак серьёзности намерений. Мне было волнительно приятно и жутко страшно. С одной стороны, мое сердце кричало «Да», с другой — мой мозг говорил решительное «Нет».

Естественно, я думала о таком развитии отношений, да и было оно совершенно логичным и правильным. Конечно, я обсуждала это с мамой. И конечно, все аргументы в пользу моих «отягчающих обстоятельств» были приведены мне достаточно быстро и убедительно.

— Ты подумала о Полине? Чужие дети никому не нужны. Каково будет ей? — рупором истины доносились до меня мамины слова.

С этими аргументами было невозможно спорить, да и, по правде говоря, я и сама так считала. Кроме того, это предложение было физически мне неудобно: когда мама под боком, многие детские проблемы — вообще не проблемы, ведь есть бабушка, которая всегда подменит, погуляет, посидит. А в случае с переездом получаются какие-то более суровые реалии, справляться с которыми мне пришлось бы самостоятельно. В общем, в голове было слишком много сомнений, чтобы согласиться. А как известно, при сомнении воздерживайся, поэтому я решила повременить с объединением.

В августе нам стало еще на несколько часов легче: режим ношения брейсов был сокращен до 16 часов. Это было истинным счастьем — нацеловывать розовые пальчики и пяточки, такие маленькие и ровненькие.

Несмотря на то, что предложение Влада съехаться было мной отклонено, он не переставал демонстрировать решительность своих намерений, явно давая понять, что готов ждать столько, сколько потребуется. Меня такое положение вещей обнадеживающе радовало и вселяло веру в счастливые отношения.

Счастливые отношения — что это? Откуда мне, молодой девчонке, когда-то знать об этом? Конечно, в моей голове были запараллелены эти два образа: Влада и бывшего возлюбленного. Забыла ли я вкус предательства и разбитого сердца? Нет. Такое невозможно забыть. Не потеряла ли веру в любовь и мужчину мечты рядом? Не знаю. Безусловно, в глубине души я очень хотела обрести любовь — такую, как в книжках и фильмах, но опыт прошлого тенью следовал за мной. Опыт и обстоятельства. Когда ты мать-одиночка, твой ценностный ориентир сдвинут исключительно в сторону своего ребёнка. Всяческие отношения с мужчинами ты рассматриваешь только через эту призму. Как отнесётся? Как посмотрит? Что подумает? Примет ли? Все эти вопросы ты волей-неволей крутишь в голове. Всегда. Постоянно. Окружающие тоже подливают масла в огонь, смакуя косточки

темы «Чужие дети никому не нужны». Своим-то порой не нужны, не то, что чужим. Всё это я прекрасно понимала и, встав на дорожку серьёзных отношений, полностью отдавала себе отчёт в последствиях. Я не знаю, как воспитывали Влада, но то отношение, которое он демонстрировал ко мне, автоматически проецировалось и на Полю. Он не боялся брать её на руки, играть с ней, говорить, делать какие-то подарки. Подарки! Каждая мама знает, как до года жизни малыша мы радостно отмечаем каждый месяц рождения. И каким же счастьем для меня было принятие Владом этой традиции. Каждый месяц в дату рождения Полины он приносил ей что-нибудь ценное. Что может быть ценного у малыша? Погремушки-игрушки, развивалки и даже платье. Владу нравилось наряжать Полинку, поэтому к своему первому году она у меня была знатной модницей! Господи, как было приятно за этим наблюдать! Приятно и немного грустно, ведь я лишила своего ребёнка счастья иметь родного отца. Вдруг она никогда не узнает, каково это — быть любимой дочуркой? Каково это — кататься на папиных плечах, ездить верхом, как на лошадке, учиться танцевать, стоя на папиных стопах... Способен ли мужчина принять чужого ребёнка? Можно ли называть не родного по крови человека папой?

Вокруг полно историй, когда так оно и было: у маминой школьной подруги сына воспитал её второй муж, принял сына как своего, родного. Мальчик даже не знал, что они не кровные. И даже когда узнал, любить отца меньше не стал. «Потому что папа не тот, кто родил, а тот, кто вырастил», — говорили они.

Были и другие, противоположные истории. Когда новый муж своих родных детей любил больше, а детей жены от первого брака постоянно третировал или был к ним равнодушным. Равнодушие — самое страшное, что может испытать ребёнок. А вдруг и у меня будет так же? Как мне объяснить маленькой Поле, Влад — это кто? Как я могу обратиться Влада в папу для Полинки без его желания? А как он должен это возжелать? Сказать? Или я должна сама? Эти мысли просто разрывали меня на куски, и я

со всех ног бежала прочь от этой головоломки. Я решила отпустить ситуацию и расслабиться. Пусть всё идет своим чередом. Позволю Владу быть рядом со мной, с нами. Пусть всё будет максимально естественно и без психологического принуждения. Я не хочу и не могу кого-то заставлять быть тем, кем он не является.

Дымка сомнений стала рассеиваться, когда я услышала рассуждения Влада о нашей будущей совместной жизни. Как он говорил о выборе новой кровати для Полины, как рассуждал о необходимости первичной социализации, как он всё объединял во множественное число: например, «Давай отдадим (отдадим!) Полину в школу раннего развития, когда подрастёт». Там везде были «мы», во всех его рассуждениях и планах. Мы. Как классно. Мы!

Вскоре произошло событие, которое нас с Владом объединило еще больше — мы оба стали причастными к значимому событию в жизни Полины. Ровно в год и три месяца Полинка пошла. И так случилось, что эти первые шажочки в своей жизни она сделала от меня к Владу. В выходные Влад приезжал к нам, чтобы посидеть с Полиной, пока я хлопотала с домашними делами. Маму на выходные мы всегда отпускали развлекаться. Ей это было необходимо — встряхнуться и почувствовать себя всё ещё молодой.

И вот во время построения очередной пирамидки, в хаосе кубиков и игрушек Полинуска пошла. Кривенько, осторожно, но пошла, протягивая ручки к Владу. В этот момент мы были счастливы оба, как дети. Наверное, никогда не забуду этот момент. Чуть не умерла от счастья, стоя с тряпкой в руках. Пошла! А ножки? Они же были такие ровные, и настоящие, и нормальные, как у всех детей! Господи, как вспомню те скрюченные лапки и свой первый ужас, становится не по себе. Какой путь... Какой же адский путь мы преодолели с моей девочкой! И почти справились! Когда видишь результаты своих

трудов, то сил и уверенности становится всё больше! Цель достижима, и мы будем двигаться дальше!

Лето и осень пролетели в какой-то эйфории бесконечной радости. Мы с Владом практически не расставались, он всегда был с нами рядом. В поликлинике, на прогулке, в парке — везде! Мы как будто тренировались быть семьей. На работе дела тоже шли в гору, у меня всё получалось, а результаты радовали и меня, и коллег.

И мама как-то воспрянула. Наше возвращение домой её просто окрылило. Обрато на работу в школу её приняли сразу и с радостью. В свободное от работы время она брала учеников и подтягивала их перед экзаменами. А ещё мама, кажется, кем-то серьезно увлеклась. Её глаза снова горели, а на щеках заиграл девичий румянец.

В ноябре Влад заговорил об отпуске. Отпуск... Я уже забыла вкус этого слова, но в душе всегда очень хотелось к солнцу. А почему бы и нет? Мы уже довольно крепко стояли на ногах и могли себе позволить отдохнуть. Мы все заслужили это. Тем более брейсы теперь полагались нам только на сон.

Когда я узнала, что точкой на карте выбрана моя любимая Индия, то испытала и трепет, и ужас. Трепет, потому что полюбила это место всей душой; ужас, потому что эта страна потянула за собой череду неприятностей и потерь, от которых трудно было избавиться.

Сразу вспомнились эта бабка из самолёта, которая запугала меня до смерти своими пророчествами, папа, который так безвременно меня покинул, нежданная беременность и тяжелые последствия после нее.

Как всё-таки причудливо устроена человеческая память: казалось бы, один символ, а сколько неприятных ассоциаций может привнести он в жизнь, взбудоражив в памяти ушедшее прошлое! А вдруг всё снова повторится? Вдруг что-то произойдёт, и я снова окажусь в пучине вечного преодоления?!

Подумав несколько дней, я всё же согласилась с выбором страны. Да к чёрту! Нужно учиться укрощать своих демонов! Индия — чудесная страна, и она совершенно ни при чём, просто тогда это было стечение обстоятельств. Всё будет хорошо.

Совершая свой первый в жизни перелёт, Полинка явно дала понять, что мне несказанно повезло с лучшей версией себя. То есть с нею. Не пикнув ни разу, а сладко сопя или мирно играя, она перенесла полёт идеально. Никогда не думала, что отдых с ребенком может быть комфортным даже на этапе самолёта. Лететь в такой компании и с таким настроем было более чем приятно. Я чувствовала поддержку Влада и во всём полагалась на него. Я просто ехала отдыхать. Не нужно было ничего решать, куда-то бежать, что-то срочно снимать и надевать снова. Мир наконец-то улыбался мне.

Индия встретила меня так же ласково и жарко, как тогда. Устроившись в небольшом отеле возле моря, мы поспешили на пляж. Мне не терпелось поставить Полинку на кромку земли и воды. Мне хотелось видеть, как волны набрасываются на её маленькие ножки, словно озорные котята. Море произвело на Полю неизгладимое впечатление! Столько восторженного визга я, пожалуй, не слышала от неё прежде никогда.

На следующий день Владу не терпелось осуществить свою отпускную традицию и покататься на сёрфе. Было истинным удовольствием наблюдать за тем, с какой лёгкостью он укрощает волны и профессионально держится на доске. Так уверенно стоять и быть на одной волне со стихией может только целеустремленный и надёжный человек. Вот он, моя скала, мое плечо, мой покоритель волн.

Держась с Полинкой за ручки, мы шли по кромке воды. Я почему-то не могла оторвать глаз от её идеально ровных лапок. Какие же они были красивые и маленькие! Никогда бы не подумала, что такие ножки будут вызывать во мне истинный

восторг и чувство триумфа. Мы же сделали это своими руками! Своими усилиями и трудом. Бедный мой маленький малыш, через какие испытания тебе пришлось пройти, чтобы заслужить возможность быть здоровой, полноценной, такой же, как все другие детишки! Как же нам повезло, что мы встретили людей, которые совершили чудо и помогли нам крепко стоять на ногах. Какое счастье, что мне хватило ума и упорства не сдаваться и искать, искать и находить пути. Какое счастье быть здоровыми!

Я сидела на песке и с нежностью наблюдала, как Влад возится с Полей, пытаюсь поставить её на доску и сделать из неё маленького сёрфера. Она задорно смеялась и звонко повизгивала, когда оказывалась в воде. В ярко-оранжевых нарукавниках она была очень забавной.

Ветер, согретый солнцем, нежно обдувал мое тело. Слушая шум волн и доносящиеся до меня крики восторга моих любимых, я прикрыла глаза, чтобы насладиться прикосновением солнечных лучей.

Боже мой, как же хорошо... Пожалуй, теперь я знаю, какой вкус у счастья: это запах моря, дуновение горячего ветра, прикосновение солнца и голоса любимых рядом.

Вдруг по моему телу пробежали мурашки. Из бара неподалеку донеслась мелодия моего счастья — «And I Love Her», а над ухом раздался мягкий голос официанта:

— Mam, honey lemon ginger tea, please.